

Александр Протасов

A person stands on a dark, jagged rock formation in the foreground, looking out over a vast, undulating desert landscape. The scene is bathed in a warm, orange glow, suggesting a sunset or sunrise. In the distance, a large, bright orange moon hangs in the sky, and a small, ancient-looking structure with a spire is visible on a distant plateau. The overall atmosphere is one of solitude and contemplation.

*Судьба души
Сказания душ
Книга вторая*

Александр Протасов

**Судьба души. Сказания
душ. Книга вторая**

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Протасов А. В.

Судьба души. Сказания душ. Книга вторая / А. В. Протасов —
«ЛитРес: Самиздат», 2015

ISBN 978-5-5321-2554-4

Порой не все пути известны. Иногда приходится прокладывать их самим. Но иногда, судьба подсказывает нам, даря великие подарки, отказаться от которых не может заставить даже сама смерть. Юный писарь Даниил идёт по пустыне, чтобы выполнить поручение, которое он получил от умирающего на поле брани Царя. Он несёт священный свиток с бесценными знаниями. Кому они предназначены? В чём их волшебная сила? Почему Великие силы света так оберегают этого странного юношу? А силы тьмы стремятся захватить?

ISBN 978-5-5321-2554-4

© Протасов А. В., 2015
© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

ПОЯСНЕНИЯ	6
ПРОЛОГ	8
ЧАСТЬ 1	11
Глава 1. Тайный свиток.	11
Глава 2. Чёрное и белое.	23
Глава 3. Герхольд.	29
Глава 4. Найдёныш.	49
Глава 5. То, что тебя убивает.	53
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Порой не все пути известны. Иногда приходится прокладывать их самим.

Но иногда, судьба подсказывает нам, даруя великие подарки, отказаться от которых не может заставить даже сама смерть.

Юный писарь Даниил идёт по пустыне, чтобы выполнить поручение, которое он получил от умирающего на поле брани Царя. Он несёт священный свиток с бесценными знаниями.

Кому они предназначены? В чём их волшебная сила? Почему Великие силы света так оберегают этого странного юношу? А силы тьмы стремятся захватить?

Пришло время самой страшной охоты, самой беспощадной битвы и самой жестокой поры испытаний!

Демоны, духи, люди и Боги сойдутся в неравной схватке за право обладания истинным знанием.

Но, даже могучие «Верховные», призванные оберегать жизнь на земле, не в силах бывает защитить от опасности того, кто владеет величайшим знанием. Знанием, которое навсегда перевернёт представления человечества о силе, которую мы называем – верой.

ПОЯСНЕНИЯ

Даниил – главный герой, проживающий на момент начала книги в горных районах Каппадокии, территория современной Турции.

Верховные!

Банистур – красивый мужчина, в прошлом генерал армии.

Роза – Жена Банистура.

Банир – второй сын Банистура, мальчик 10 лет.

Гильгамеш – стеклянный демон. Первый сын Банистура и Розы.

Баргест – демон, обладатель одного из символов равновесия «Когтей душ».

Ариарат – один из 9 царей Каппадокии. В книге говорится про Царя Ариарата 5 (но не уточняется), поскольку именно в 133-130 гг. он погиб от предательства (используется как персонаж).

Бабар – в арабской мифологии местность, примыкающая к стране, где обитал народ [адиты](#).

223-222 гг. до н.э. – Поход Гая Фламиния в Северную Италию. Подчинение римлянами галлов в долине реки По

Сицилия – первая Римская провинция.

Герхольд – кельт захваченный в рабство Римлянами (Слепой).

Коловрат – друг Герхольда, Русс могучий воин с территории современно Украины.

Залух – надсмотрщик Наместника.

Квитий – Наместник города Тиндари на Сицилии.

Октавия – жена наместника.

Квинтавия – дочь Наместника.

Аппий Маргус – Сенатор из Рима.

Кеззон – сын Сенатора Аппия.

Тарон – тайный возлюбленный Квинтавии.

Сафир – приёмный дед Даниила.

Верховный Демон, Истинный Повелитель Смерти,

Единый враг – новый отец Гильгамеша (Дьявол).

Дарглы – древнейшие демоны.

Кила – жалкий слуга Повелителя Смерти.

Селение отшельников – горы в Каппадокии.

Звезда Кохаб – Северная звезда.

Море что раскинулось посреди земли – Средиземное.

Остров богини вечной жизни – Кипр, остров Афродиты.

Старейшины Селения отшельников:

Почтенный – Эмихар.

Почтенный – Дахтум.

Почтенный – Бахар.

Почтенный – Умун-Рур.

Ткачиха – Михаша.

Ловчий седой – Тафр.

Мастер – Итон.

Старуха ведьма – Лайла.

Семаргл(Рыжик) – спутник Даниила, Бог огня.

Аэлла – лучница, ищущая своего отца.

Братья Аэллы, Ворчун и Топтун (Фаир и Оум).

Старик Гарэ – нашёл Слепого на своём поле.

Жена Гарэ – Маара.

Учуб – Великий Хан, правитель кочевников.

Учун – старший сын Хана.

Его отец Учубей занял трон после смерти своего отца Учимбата, который захватил власть, убив своего отца Учима.

Степи близ реки Яик (Урал).

Танаис – ранее так называлась река Дон. В её устье стоял город Танаис, расположенный в 30 км к западу от Ростова-на-Дону.

Перан – вождь племени. Впоследствии предводитель «Следящих», обладатель «Ока душ».

Прай – первый сын Перана.

Прант – второй сын Перана.

Талим – старый охотник.

Ирис – жена Прая.

Талим – сын Прая (названный в честь старика охотника Талима).

Близнецы Арит и Ирит сыновья Прая.

Сира и Айра – дочери Прая.

Порт Фанагория (крупнейшая древнегреческая колония на территории современной России была расположена на берегу Керченского пролива на Таманском полуострове)

Кирс Амин Бэй – контрабандист, капитан судна «Морская звезда».

Негостеприимное море – старинное название Чёрного моря.

Византий – древнегреческий город в месте соединения Мраморного моря, Босфора и Золотого рога. Предшественник Турецкого Стамбула.

Ханаан – в библейские времена, страна, простиравшаяся на Запад от Евфрата и Иордана до берега Средиземного моря.

Горуда – птица с головой и телом женщины, на которой путешествовал Бог Вишну.

Кони Камы – дельфины. На них плавал Бог любви у индусов.

ПРОЛОГ

239 г. до Рождения Христа, Греция, возвышенности близ горы Метикас.

По пыльной каменистой дороге, ведущей в гору, спотыкаясь и оглядываясь, бежал человек. Его одежды были бедны, и в подоле растрепались от времени. На правом плече виднелось большое тёмное пятно крови, а рука свисала словно плеть. Тяжело дыша и задыхаясь, он споткнулся об острый камень, вскрикнул, и упал. Вновь оглянувшись, он заметил что-то в темноте высоких кустарников, которые в изобилии росли в округе и, быстро перебирая руками и ногами, пополз по дороге. Страх придавал мужчине сил. Он поднялся и попытался бежать. Но усталость, боль в раненой руке и ночная тьма мешали его попыткам скрыться. Надеясь спрятаться во мраке ночи, он осматривался по сторонам в поисках чудесного спасения. Но, неожиданно показавшаяся из-за ночных туч луна, разрушила все его планы. В одно мгновение она озарила землю своим предательским светом, и мужчина в отчаянии опустил голову.

Резко обернувшись, он своей здоровой рукой прижал к груди странный свиток, свёрнутый с двух сторон. Продолжая бегство от чего-то страшного, мужчина с невероятным упорством, преодолевая боль и страх поднимался на возвышенность, как будто до последнего надеясь на то, что чудесное спасение находится именно там. Но, несмотря на это, добраться до столь желанной вершины мужчина не успел.

Воздух прорезал свистящий звук, беглец вскрикнул от боли и упал в дорожную пыль, схватившись рукой за резаную рану в боку. Свиток упал на землю, но мужчина вовремя успел перехватить его. Уже не обращая внимания на раненую руку и кровоточащую рану в боку, он извернулся всем телом и схватил здоровой рукой выпавший свиток. Быстро оглядываясь, он стал заталкивать его под выдавшую виды тунику. Скривив от боли покрытое пылью лицо, мужчина постарался подняться и с огромным трудом, ковыляя и спотыкаясь, продолжил своё бегство. Глаза залил едкий пот и они слезились. Всё вокруг расплывалось, а тело начала охватывать слабость.

Мужчина был простым писарем в храме и порой прислуживал посыльным, доставляя переписанные им документы наместнику или прокуратору. Работы было много. Порой его занятие отнимало целые дни и даже недели. Но, несмотря на столь усердный труд, он не мог похвастаться великим достатком. Своего дома у него не было и жил он в храме. Трапезничал вместе с монахами, порой перебиваясь лишь коркой хлеба, да дождевой водой. Частенько ему доставалось за незначительные ошибки, но в общем и целом писарем он был неплохим, и в храме его ценили.

В очередной раз споткнувшись об острый камень избитой ногой, мужчина упал на колени. В этот момент сильный удар в спину окончательно прижал его к пыльной земле. А на рану в боку наступила чья-то нога. Громкий крик прорезал тишину окрестностей.

– Отдай свиток, писарь. – Раздался в ночи противный, скрипучий, голос, словно по стеклу провели острым гвоздём. Раненого мужчину передёрнула неприятная судорога. Противный, скрипучий голос, будто бы резал его душу. Сквозь слёзы и помутневший от боли взгляд мужчина пытался рассмотреть силуэт своего преследователя. Но как ни старался, ничего кроме высокой фигуры в длинных тёмных одеждах увидеть не смог. Сильный удар подошвой по лицу откинул его голову назад, и писарь сильно стукнулся затылком о пыльную землю. На языке почувствовался металлический привкус крови, мужчина застонал.

– Где свиток? – Сильные руки схватили его и резко рванули вверх. Очередная вспышка боли пронзила всё тело, когда он упал обратно на пыльную твёрдую дорогу. Распластавшись

на земле и раскинув руки в стороны, мужчина в одно мгновение осознал, что это его конец. Тем временем тёмный обыскал его и вытащил свиток из-под одежды.

– Вот! – Радостно сказал он. И вновь ударил лежавшего на земле мужчину.

– Не тронь его! – Послышался голос. Тёмный поднял голову. На вершине холма стоял человек. Он был очень красив лицом и одет в чистые белые одежды. Лунный свет отражался от его одеяния. Казалось, что человек светится.

– Он мне больше не нужен, – ответил своим скрипучим голосом тёмный, и, развернувшись, взглянул на человека в белом.

«Верховный» вздрогнул. В свете луны он увидел, что из-под тёмного капюшона на него смотрит его собственное красивое лицо. Длилось это лишь мгновение. Затем мрачная фигура резко развернулась и начала быстро удаляться прочь во мрак ночи.

Красивый человек бросился к лежащему в пыли дороги мужчине. Он подбежал к нему, опустился на колени, приподнимая голову раненного.

– Он вновь забрал его. – Простонал писарь. – Так будет и дальше. Если... – Он захлебнулся кровью и закашлялся. На белые одежды красивого мужчины полетели алые капли. Но, тот не обратил на это никакого внимания.

– Если что? – Спросил он писаря. Умиравший собрался с силами и, вдохнув побольше воздуха в лёгкие, сказал:

– Если мы и дальше будем продолжать делать это для вас, то подобное будет происходить и впредь. – Он вновь закашлялся. Красивый мужчина поудобнее устроил писаря на земле. И внимательно посмотрев на него, спросил:

– И что же нам делать? – Раненый был бледен и уже начинал терять сознание. Красивый мужчина заметил это и, распахнув свои белоснежные одежды, отстегнул с пояса небольшую флягу с водой. Он открыл её и напоил истекающего кровью. Затем налил воды себе в ладонь и оросил его лицо.

– Что нам делать? – Вновь спросил умирающего красивый мужчина. Раненый взглянул в глаза собеседника, одетого в белое.

– Вы должны найти людей, которые станут делать это сами. По своей собственной воле. Без просьб и принуждений. – Мужчина вновь закашлялся, брызгая кровью. – Как только они осознают это, ситуации подобные сегодняшней прекратятся навсегда. И все ваши беды уйдут в прошлое. Суть жизни будет под вашим контролем. И отнять это будет уже невозможно. – Он вновь зашелся кашлем и быстро глотнул воздуха, как будто боясь, что он вот-вот закончится. – Но торопитесь, у вас мало времени. Вскоре золотой орёл накроет мир своими крыльями. Он схватит своими когтями величайшее чудо, которое только могло узреть человечество. Это событие будет важнейшим в истории, и ваш избранник обязан успеть передать знания и разнести их по свету ради вас, нас и всего рода людского. – Закончив фразу, мужчина замолчал. Красивый молодой человек в белых одеждах продолжал смотреть на раненого выжидающе в надежде услышать от него ещё хоть слово. Но умирающий хранил молчание. Лишь его глаза, в которых отражался свет полной луны, с блеском смотрели на собеседника.

– Где нам его найти? – Так и не дождавшись ответа, спросил красивый мужчина у писаря. Тот продолжал молчать, и практически не дышал. В глазах красивого человека отразилась скорбь и неистовая боль утраты. – Скажи! Где мне его найти??? – Склонив голову на грудь умирающего, повторил он свой вопрос.

– Ищи его сердцем. – Услышал он последние слова писаря. Когда красивый мужчина поднял голову и в последний раз взглянул на раненого, тот был уже мёртв. В его неподвижных и остекленевших зрачках всё также отражалась яркая луна. Мужчина провёл ладонью по лицу умершего и закрыл ему веки. Затем он опустил голову писаря на землю и медленно поднялся. Осмотревшись по сторонам, закрыл глаза и глубоко втянул носом тёплый ночной воздух.

Яркую гармонию ночи, озарённую лунным светом, треском цикад и кузнечиков, отдалённым уханьем совы, нарушила беззвучная яркая вспышка. Она на мгновение накрыла подножие холма ослепительным светом и тут же исчезла. А рядом с покойным писарем, всё так же лежавшим на пыльной дороге уже никого не было.

ЧАСТЬ 1

Глава 1. Тайный свиток.

133 г. до Рождения Христа, территория современной Турции.

Утро выдалось воистину жарким. Солнце палило так, что казалось вот-вот и оно расплавит эту покинутую всеми Богами землю. Старики шептались, что подобного лета, столь знойного и беспощадного, они уже не припоминали давно. Жара не щадила никого – ни людей, ни животных, ни растения. Почти все посевы увяли, скот не выдержав нехватки воды, начинал медленно умирать. А люди... Они просто не знали, что делать и у многих уже начинали опускаться руки. Шли слухи, что в больших городах увеличилось количество грабежей и разбоев. И что как будто бы жара сводила с ума даже самых стойких и сильных. Заставляя их хвататься за ножи и убивать. А ещё поговаривали о некой могучей силе, что летит с запада на золотых крыльях, и вскоре поглотит весь мир. Все эти байки, возможно, были лишь слухами. Но ведь и в слухах есть доля истины. И кто знает, правда это или нет.

Как бы там ни было, но в маленькой деревушке, стоявшей особняком от больших торговых путей, и находившейся в нескольких днях ходу от крупного города, жизнь текла хоть и не сладко, но спокойно. Тут не было незнакомцев, и все знали друг друга. А жара... Ну что она может отнять у тех, у кого и так по сути нет ничего, кроме выдолбленных в скалах маленьких домиков, больше напоминающих пещерки, скудного инвентаря из глины да плетёной лозы. Из живности в деревне были только козы и куры, да и тех осталось совсем мало. Колодец несколько дней назад пересох, и жителям приходилось тратить много сил, чтобы доставить воду из дальнего горного озера.

Именно поэтому, каждое утро, чуть свет начинал играть в песчаных холмах, из деревни вереницей выступал маленький пеший караван с кувшинами скреплёнными лозой и закинутыми за спины идущих. А к вечеру караван возвращался, и жизнь в деревне оживала. Все радовались свежей воде, и кругом слышался смех. Женщины делили воду в доме, разливая её по кувшинам и маленьким мисочкам. Они даже научились экономить, так что иногда вода оставалась и её отдавали скоту. Другая часть воды шла на поливку, но её почти всегда не хватало. Совсем рядом с домиками располагались виноградники. В такое жаркое лето им требовалось много воды. Вскоре должен был созреть уже второй в этом году урожай, поэтому поливать приходилось чаще обычного. Деревья, как и люди, тоже могут уставать. Но этот знойный год был особенным и, они устали намного сильнее.

Жителям деревни было вдвойне сложно. Но хотя это был весьма тяжёлый труд, все в деревне знали, что он принесёт свои долгожданные и сладкие плоды.

Вот и в это утро мужчины деревни собирались за водой. Среди них был мальчик лет одиннадцати. Но, несмотря на столь юный возраст, он трудился как все. Считая себя ничем не хуже окружающих. Звали его Даниил.

Это имя дал ему отец. И хотя оно было не из этих мест, никто не осуждал мужчину за выбор. Семья мальчика совсем недавно понесла трагическую потерю кормильца. Мужчина умер от укуса змеи, и Даниилу теперь приходилось много работать, чтобы заменить столь временно ушедшего отца. Мать мальчика очень сильно горевала и заболела, а его младшая сестра Заира почти всё время проводила у постели матери.

Обвязав голову тряпицей, мальчик закинул на плечи тяжёлые кувшины и направился к поджидавшим его мужчинам.

– Как чувствует себя сегодня твоя матушка? – Услышал он голос соседской женщины.

Остановившись на минуту, молодой человек поправил свою обувь, и посмотрев на неё, ответил:

– Всё так же. Она очень слаба. – Женщина тяжело вздохнула и покачала головой.

– Немилосердны стали к нам Боги, да ещё и эта жуткая жара. Будь осторожен мальчик. Путь сложный. – Даниил слегка улыбнулся и, поблагодарив женщину за участие, направился дальше. У окраины деревни его уже ждали. Небольшой пеший караван медленно направился в уже хорошо изученном направлении.

Идти было невероятно тяжело. Беспощадное солнце палило и обжигало кожу, а песок под ногами был словно из Ада. Даже крепкие кожаные сандалии не спасали от его нестерпимого жара. Периодически кувшин, который нёс мальчик, брали в руки взрослые мужчины, и парнишка, пройдя несколько метров и отдышавшись, забирал его обратно. К полудню караван достиг конечной цели своего путешествия. Остановившись на невысокой возвышенности, все сразу заметили, что за ночь озеро, которое так надёжно выручало их в столь жаркое лето, значительно обмелело. Несколько мужчин пошли пройтись по берегу, пока остальные отдыхали. Когда они вернулись, то сообщили о найденных ими следах на противоположном берегу.

– Следов там много, очень много. И не только людских, там следы от копыт, – рассказал один из мужчин. – Как будто целая армия была тут этой ночью. Вода уже успокоилась, но они ушли совсем недавно и направились на запад.

Мужчины стали негромко переговариваться, обсуждая возможных ночных посетителей.

– Быть может это кочевники? – Сказал высокий мужчина, что был соседом Даниила. – Они порой забредают в наши края. – Все переглянулись.

– Возможно. – Промолвил другой, плечистый лысый. – А что если это разбойники?

– Нет, там очень много следов, а разбойники, если и появляются, то бродят небольшими шайками, – ответил ему сосед мальчика. – В любом случае нам не стоит испытывать судьбу, быть может, они решат вернуться. Нужно набрать воды и идти домой. Обратный путь намного тяжелее.

На этом разговоры прекратились, и мужчины принялись наполнять свои кувшины. Даниил снял с головы покрывавшую её тряпицу и, как следует, намочил водой. Затем несколько раз окинул себя тёплыми брызгами, и накинул тряпицу обратно. Стало свежо хоть и ненадолго, но всё же. Вскоре маленькая компания направилась в обратный путь.

Идти с кувшинами полными воды было куда тяжелее, и движение в разы замедлилось. Уже гораздо чаще сосед мальчика помогал ему. И хотя Даниил не показывал своей усталости, все понимали, что мальчишке очень тяжело. Все без исключения в этой деревне уважали его отца, и когда того не стало, как могли, помогали его семье. Вот и сейчас, каждый из мужчин попеременно забирал у мальчика тяжёлые кувшины, и несколько минут нёс в руках.

Дорога домой заняла в два раза больше времени, и солнце, столь невыносимо жаркое уже начало клониться к закату. В этих местах рано темнело, поскольку горы, возвышающиеся к небу, с жадностью скрывают заходящее светило. Когда последний его луч мелькнул из-за горы, вдали показалась их деревушка.

– Держись парень, мы уже почти дома. – Мальчик посмотрел на своего соседа уставшими и воспалёнными глазами, и даже постарался улыбнуться. Но улыбка вышла весьма натянутой и, опустив на землю кувшины, он тихо ответил:

– Я знаю. Но вот сил уже совсем нет. – Он принялся потирать уставшие плечи.

– Давай я понесу. – Сказал мужчина, протягивая руку к кувшинам, стоявшим на земле. Но мальчик наотрез отказался.

– Я должен сам принести их домой, чтобы мать видела, что ей есть на кого рассчитывать. – Сказал он серьёзно. – Вот только немного передохну и догоню вас. – Мужчина не стал с ним

спорить, а лишь в душе возгордился той здравости мысли, которую проявил сын его лучшего друга. Ещё раз взглянув на мальчишку, он поправил свою ношу и зашагал в сторону деревни.

Даниил проводил его усталым взглядом и опустил на землю. Сначала он сидел и смотрел вслед удаляющимся людям, а когда те скрылись из виду, мальчик растянулся на тёплом песке и стал смотреть в небо.

«Интересно, – подумал он, – а где сейчас отец?»

Эта мысль уже не раз посещала его. И хотя мать рассказывала ему о некоем другом мире, в который люди уходят после смерти, он почему то ей не верил. Да и сама мысль о том, что когда умрёшь, то должен покинуть тех, кого любишь, ему совсем не нравилась.

«Зачем куда-то уходить? Если тут так хорошо. Если тут все кто являет смысл твоей жизни. Родные, друзья. И почему отец, который так сильно любил нас, ушёл так рано? Неужели ему так хотелось этого, неужели ему не было хорошо с нами? С мамой, со мной и сестрой? А быть может его заставили? Тогда это всё объясняет. Но кто тогда заставил его уйти? Боги? Но разве Боги не должны спасать людей? Вместо того, что бы разлучать их друг с другом?» – Такие мысли весьма часто посещали мальчика и стали приходить к нему довольно рано. Мать порой пугалась, когда он задавал ей подобные вопросы. Но их сосед однажды сказал, что это очень хорошо, что Даниил так рано стал озадачиваться вопросами мироздания. А однажды предложил отправить его в учение к шаману в соседнюю деревню, чтобы таланты мальчика не пропали даром. Кто знает, быть может Даниил и ушёл бы учиться, если бы не обязанности, обрушившиеся на него после кончины отца. Но волей providения сейчас всё бремя хозяйства легло на его хрупкие плечи, и он как мог, старался.

Когда он отвлёкся от своих размышлений, было уже совсем темно. Он совершенно потерял ощущение реальности, и когда спохватился, то понял, что, наверное, все мужчины уже давно дома, а его ждёт не дожётся больная мать. Он быстро вскочил на ноги, и уже схватился было за кувшины, как вдруг его внимание привлекли весьма странные звуки. Они исходили со стороны небольшой равнины, которая находилась за горой отделявшей его деревню. Любопытство взяло верх и, оставив кувшины, он побежал по холму в сторону звуков.

Уже поднимаясь на возвышенность, мальчик заметил на небе яркое марево. Осторожно на коленках Даниил подполз к вершине холма. Прячась за сухим кустарником, он выглянул и обомлел. На раскинувшейся перед ним равнине горели сотни костров. В их ярком свете, по всей равнине, что смог окинуть взгляд, металась толпа людей. Их было настолько много, что мальчик не смог бы их никогда сосчитать. Впрочем, считать он всё равно не умел, и поэтому, затаив дыхание просто наблюдал. Все люди, мечущиеся по равнине, были вооружены саблями, ножами, копьями. На них были надеты блестящие доспехи и остроконечные шлемы. Присмотревшись как следует, Даниил увидел перед собой страшную кровопролитную битву. Обнажив своё оружие, сотни мужчин кидались друг на друга. С криками и воплями они разили противников, рубя их на куски, брызги крови, летели во все стороны, а стоны раненых тонули в ночном воздухе. Люди рубили, кололи и резали друг друга, и количество павших наземь воинов становилось всё больше с каждой минутой.

– «Так вот кто был у озера». – Вспыхнула в голове у мальчика догадка. В этот миг в гущу битвы ворвались конники. Они практически смяли пеших воинов и стали теснить одну из борющихся сторон вглубь равнины. Мужчины не устояли и бросились бежать. Но тут из темноты вырвался всадник на белом коне в красивых сияющих доспехах, и призывно крича, ринулся на атакующих конников. Заметив это, убегающие развернулись и вновь устремились в бой. Сражение закипело с новой силой. И казалось, что этот кошмар не закончится никогда.

Всадник на белом коне был невероятно храбр. Он крушил врагов своим мечом и, Даниилу показалось, что в этом человеке напрочь отсутствует страх. Войны бежали за ним вслед и с криками бросались на конников. Всё смешалось – крики, звон мечей и стоны умирающих. И уже практически вся равнина была устлана телами.

Всё закончилось в одночасье. Бесстрашный воин на белом коне откинулся назад, и спустя мгновение упал на землю. К нему тут же бросились его верные бойцы, но на них накинута уцелевшая конница, и так яростно воспрянувшая от страха армия вновь дрогнула и бросилась враспынную. Конники устремились вслед за убегающими, и, настигая их, рубили своими длинными саблями. Уйти удалось немногим, большинство было настигнуто и зарублено. А те, кто уцелели, скрылись в темноте. Армия победителей устремилась в погоню. И вскоре их громкие крики уже отзывались где-то вдалеке.

Даниил лежал на земле ни жив, ни мёртв. Он был невероятно поражён увиденным. Подобного страха ему ещё никогда не приходилось испытывать. Он даже боялся пошевелиться. О битвах подобных этой, а быть может и совершенно непохожих, ему рассказывал отец. Отец сам никогда не воевал, но часто бывал в городе, и слышал там много различных рассказов. А когда возвращался домой, то всегда радовал ими детей.

Когда крики окончательно стихли, Даниил решил посмотреть поближе на поле брани. Сначала эта идея показалась ему не очень хорошей и довольно опасной. Но любопытство вновь взяло верх над разумом, и он очень осторожно начал подкрадываться к равнине.

В огне полыхающих костров были хорошо видны лежавшие на земле люди. Большинство из них были мертвы, но некоторые ещё были живы и ползали по земле со стонами и проклятиями. Даниил понимал, что помочь им он не в силах, и даже если позовёт на помощь своих соплеменников из деревни, спасти всех оставшихся в живых они не смогут. Да и решение это могло сулить им массу неприятностей. Поэтому, мальчик не решился на этот поступок, и продолжал своё продвижение по полю в одиночестве. Обходя и перешагивая убитых воинов, он шёл сам не зная куда.

Вдруг чья то рука схватила его за ногу и, вздрогнув, Даниил упал на землю. Его с силой потащило по земле, и уже через мгновение перед его взором возникло перепачканное кровью лицо раненного солдата.

– Парень, помоги мне. – Прохрипел воин. Даниила затрясло. Он стал судорожно мотать головой и, отталкиваясь руками и ногами, пытался высвободиться. – Помоги мне! – Прокричал раненый боец. Мальчик успел заметить, что у того нет одной руки, и что лицо воина в свете огня костров было очень бледным. Страх перерос в панику. С силой, что оставалась у него, мальчик пнул раненого воина и, высвободившись, бросился прочь. Он несколько раз споткнулся о валявшиеся повсюду тела и даже порезал ногу о воткнутую в землю саблю. Заметив, что его никто не преследует, он остановился и осмотрелся. Всюду была смерть. Казалось, что она сама пришла сегодня в это место и в его облике бродит сейчас по этому проклятому полю.

«Как же такое может быть? – пронеслась в голове у Даниила внезапная мысль. – Как люди могут так жестоко убивать друг друга? И главное зачем?»

Этого Даниил понять не мог. Он с ужасом оглядывал окружающий его кошмар, и шёл куда-то, уже совсем не разбирая дороги. Наконец он остановился и постарался разыскать красными от слёз глазами то место, откуда он пришёл сюда. Но в полной темноте ночи и в отражении пламени костров, которые скрывали за своим мерцанием окружавший их мир он ничего не смог рассмотреть. Поняв, что потерялся, Даниил решил выбраться с поля боя и спрятаться в горах до наступления утра. Он решительно развернулся, и увидел его. Это был тот самый воин, который в момент бегства воинов вырвался вперёд на белом жеребце. Мальчик сразу же узнал его по очень красивому плащу и ярким доспехам. Воин сидел на земле, опершись спиной на убитого коня, а в груди у него торчал наконечник сразившей его стрелы. С первого взгляда Даниилу показалось, что бесстрашный воин просто сидит и смотрит вниз, опустив голову. Но когда мальчик медленно, преодолевая свой страх, подошёл к мужчине, то заметил, что тот очень медленно и тяжело дышит. А из пробитой груди вырывается весьма неприятный свист. У воина было пробито лёгкое, и дышать ему с каждой минутой становилось всё труднее. Но

когда Даниил подошёл к нему совсем близко, мужчина медленно поднял голову и взглянул на мальчика остекленевшими глазами.

– Кто ты, мальчик? – Спросил он хриплым голосом. Даниил уже было собирался броситься бежать, но тут воин заговорил снова. – Не бойся меня. Я тебя не трону, ведь я почти уже мертвец. – Даниил внимательно смотрел на мужчину. Он не почувствовал страха, а быть может, вовсе забыл о нём.

– Я Даниил, сын Зельма из деревни виноделов. – Сказал он, глядя воину прямо в глаза.

– Подойди ко мне Даниил, сын Зельма. Не бойся. – Мальчик медленно стал приближаться к раненому мужчине. – Меня зову Ариарат. – С хрипом в груди сказал воин. – Я царь здешних мест. – Он задохнулся и схватился рукой за грудь. – Я был царём. – Жуткая хрипота сдавила его грудь. Воин покачнулся и повалился на бок. Мальчик опустился на колени рядом с поверженным царём.

– Зачем вы воевали? – Спросил он, даже не осознавая, что говорить с этим мужчиной по закону он даже не имеет права. Воин улыбнулся уголком губ и, сморщившись от боли сказал:

– Я воевал за правду. – Даниил смотрел на него немигающим взглядом. – Но правда порой бывает никому не нужна, потому что у неё горький вкус. Все хотят сладкой лжи и именно поэтому, я проиграл эту битву. – Мужчина сощурил глаза и неожиданно спросил Даниила. – Ты понимаешь меня мальчик? – Даниил кивнул.

– Я понимаю вас. Вас предали. – Мужчина усмехнулся.

– Ты умный мальчик. – Положив руку Даниилу на голову, сказал он. – Я умираю Даниил, сын Зельма, и раз уж так повелели Боги, что именно ты оказался со мной рядом, я хочу отдать тебе кое-что. – Воин засунул руку себе под латы и, покопавшись там, достал скрученный в рулон пергамент. Посмотрев на него, он протянул свиток мальчику. – Обучен ли ты грамоте Даниил? – Вновь спросил он. Даниил отрицательно замотал головой. Воин немного погрузился, но подумав мгновение, продолжил. – Ты должен научиться. Дай мне слово, что обучишься и когда-нибудь допишешь этот фолиант!!! – Не выпуская пергамента из руки, он ухватился за волосы парнишки. Даниил вскрикнул от боли, но не заплакал. Он взглянул в бесстрашные глаза умирающего и медленно кивнул.

– Я даю слово, – мужчина выпустил волосы мальчика и вновь прохрипел:

– Запомни, ты дал слово Даниил. Слово на смертном одре. Эта клятва нерушима мальчик. – Он протянул свиток и вложил его в руку парнишке. – Научись силе слов, и ты поймёшь весь смысл. – Судорога пробежала по его телу, глаза закатились и, воин хрипя, стал испускать кровавую пену. Даниил сжал в своей руке свиток и поднялся с колен. Глаза царя быстро моргали, в них были видны только белки. Неимоверным чудом, удерживаясь в этом мире, он протянул свою ладонь к мальчику, и Даниил взялся за неё своей маленькой ручкой.

– Запомни Даниил. – Простонал из последних сил умирающий царь. – Все люди лжецы. Не лжёт лишь душа. Взглянув в неё, ты узришь всю правду. – Слабость отяжелила его руку, и Даниил выронил её. Рука словно лишённая опоры мигом опустилась на землю. – Помни свою клятву. – Выдохнул он свои последние слова и обмяк. Даниил стоял и смотрел на умершего царя, и в одно мгновение перед ним возник слабый голубоватый ореол. Мальчик отшатнулся назад и, споткнувшись, упал на землю. Ореол на мгновение завис над ним, и в этой голубоватой дымке Даниил увидел царя – чистого, светлого, без кровавой раны в груди, в доспехах и шлеме. Царь был спокоен, и как показалось мальчику, весьма счастлив. Он внимательно посмотрел на Даниила, и в ту же секунду дымка исчезла, умчавшись ввысь тёмного неба.

Даниил даже не успел понять, что произошло, он только быстро стал осматриваться по сторонам, но куда бы он не повернул голову, всюду из разных уголков ночи и со всех сторон озарённой светом костров поляны, взметались ввысь голубоватые огоньки.

Люди всегда боятся того, чего не могут понять. Вот и маленький мальчик Даниил испугался. Он вскочил на ноги и, что было сил, бросился бежать. Крепко сжимая в руке заветный

пергамент, он нёсся сломя голову между ярких вспышек и окружавшего это проклятое место ужаса. Как долго он бежал, и насколько далеко смог отдалиться от поля битвы, Даниил не помнил. Остановился он лишь тогда, когда силы окончательно покинули его тело. Свалившись на землю, он заплакал и провалился в забвенье.

Сколько прошло времени после того как он потерял сознание Даниил не знал. Его разбудили голоса. Он открыл глаза и осмотрелся. Было раннее утро. Солнце медленно начинало свой привычный восход, и день полагал быть не менее жарким, чем предыдущий. Мальчик лежал на земле в своеобразной природной воронке по всем краям окружённой маленьким кустарником. А сзади возвышалась большая гора. Голоса тем временем приближались всё ближе и ближе. Даниил сделал попытку выглянуть из своего укрытия, но тут его накрыла огромная тень. Мальчик мигом прижался к земле и затаил дыхание.

– Твой хмурый взгляд навевает на меня печальные догадки, – услышал он противный скрипучий голос. Подняв голову, он увидел сквозь кустарник, что совсем рядом с тем местом, где он находился, остановились три человека. Первый был высок, плечист, с огромными рыжими усами на опаленном солнцем лице. Он был одет в тяжёлые доспехи, а его голову покрывал плоский шлем с забралом, опущенным на лицо. На поясе у него висел огромный ятаган с разукрашенной золотом рукоятью. Высокие кожаные сапоги с загнутыми вверх кончиками на носках, дорогое оружие и весьма искусно сделанные доспехи выдавали в усатом мужчине человека богатого и знатного. Двое других держались позади усатого, их одежды были попроще, и как смог понять Даниил, они были простыми стражниками, и скорее всего, воинами на службе у богатого мужчины. Вид усатого действительно был весьма хмурый и голос, которым он говорил, это ярко выражал.

– Мои вести тебя не порадуют. – Произнёс рыжий мужчина. – Мы не нашли у него ничего. – Даниил медленно повернул голову в сторону и увидел обладателя противного скрипучего голоса. Но рассмотреть его как следует не смог. По телу мальчика пробежали мурашки от одного лишь вида второго собеседника. Было в нём нечто страшное. Первое что насторожило мальчика, так это длинный чёрный саван, в который кутался этот человек. Находясь совсем рядом, Даниил смог рассмотреть, что ткань одеяния мужчины была довольно плотной, и сквозь неё не проникал даже солнечный свет. Лица человека в чёрном Даниил тоже не смог рассмотреть, и всё из-за полностью покрывавших его длинных одежд. С виду он казался весьма обычным, хоть и одет был странно. Но было в нём что-то, что заставило мальчика ещё сильнее вжаться в землю. От странного мужчины веяло холодом, несмотря на жаркое утро. Мурашки вновь пробежали по телу Даниила. А тем временем странные люди, продолжили свой разговор:

– Это очень плохая весть, Хазим. Мой господин будет очень недоволен, – проскрипел чёрный. Рыцарь, как показалось Даниилу, попытался оправдаться.

– Я не понимаю, как это произошло. Всё было выполнено, как ты и сказал. Ловушка работала идеально. Царь мёртв. Но при нём не было того, что ты просишь. Мы всё там обыскали, даже всех его воинов, и мёртвых, и живых. Там ничего нет, – рыцарь завершил свои слова на весьма повышенной ноте. Человек в чёрных одеждах резко развернулся и начал говорить, не обращая ни малейшего внимания на стоявших у него за спиной воинов.

– Значит, если вы ничего не нашли, то убитый царь где то спрятал это. – Он быстро развернулся к богатому воину. – Вы допросили его слуг? – Затем он мгновенно замолчал и, подняв накрытую саваном голову, уставился прямоком на рыцаря. – Нет. Не так. Этот вопрос был поспешным. Вы хоть кого-нибудь оставили в живых? Есть те, с кого можно спрашивать? Или вы всех убили? – Он сделал всего лишь один шаг навстречу богатому человеку в доспехах. Но и этого было достаточно, чтобы тот начал пятиться, и мальчик заметил в его глазах мигмом возросший страх. Сопровождавшие мужчину воины тоже начали медленно отступать назад, одновременно взявшись за рукояти вложенных в ножны сабель.

– Ты не говорил, что нужно кого-то оставлять, – со страхом в голосе проговорил воин. И сделал ещё один шаг назад. Человек в чёрном сделал очередной шаг навстречу воину в дорогих доспехах. Тот, продолжая пятиться, споткнулся о неизвестно откуда взявшийся камень и с грохотом упал на спину. В этот миг чёрный человек набросился на него со скоростью тени. Даниил даже не успел заметить, как тот уже стоял, склонившись над трясущимся от страха мужчиной. Воины выхватили свои сабли, и уже собирались ринуться вперёд, чтобы защитить своего господина, но в этот момент человек в чёрном бросил в их сторону что-то блестящее, и схватившись руками за горло, оба стражника с хрипом повалились на землю, захлёбываясь собственной кровью.

– Значит, вы всех убили. – Медленно проговорил чёрный, не обращая внимания на умирающих, а из под савана появилась его рука. Глаза Даниила самопроизвольно расширились при виде его конечности. Рука человека в чёрном была прозрачной, и сквозь неё можно было видеть словно через стекло. В свете восходящего солнца яркие блики мерцали при её движении. Покрытая множеством граней, она переливалась словно покрытая рябью вода, освещённая солнцем.

Даниил видел стекло лишь однажды, когда мимо их деревушки проходил караван, и торговец пытался выменять на стеклянную вазу вина. Тогда отец, вертевший в руках грубо сделанный сосуд, и показал его сыну. Он объяснил, что это слёзы богов, которые застывая, превращаются в стекло. На мальчика слова отца произвели огромное впечатление, и он долго рассматривал стоявший в их доме чудный предмет, в который по большим праздникам мать наливала вино.

Мальчик смотрел на руку чёрного человека и не мог оторвать взгляд, он мерцающего света. Стекло, из которого была сделана рука человека в чёрном, была намного чище, чем ваза в их доме и блистала намного ярче. Сначала Даниил думал, что рука неживая, а является не более чем красиво выполненным протезом, какими заменяют свои отрубленные конечности воины и пираты с дальнего моря. Но приглядевшись, он увидел, что прозрачная стеклянная кисть движется не хуже чем обычная живая рука простого человека.

Рыцарь в жесте защиты поднял свою руку вверх, и закрыл ею своё лицо. И в этот момент произошло нечто, от чего Даниил чуть не вскрикнул. Человек в чёрном дотронулся своей прозрачной рукой до ладони упавшего рыцаря, и его стеклянная рука начала превращаться в обычную, человеческую, а спустя мгновение уже ничем не отличалась от настоящей.

– Вы поспешили, – проскрипел голос человека в чёрном саване. И его преобразившаяся рука опустилась на лицо рыцаря. Даниил зажал свой рот, боясь вскрикнуть. Увиденное в очередной раз повергло его в ужас. Рыцарь глубоко вдохнул, но вытолкнуть воздух обратно из лёгких уже не смог и замер с открытыми от ужаса глазами. Его волосы начали сесть, а кожа стала в одно мгновение сухой и серой. На лице появились глубокие морщины, а глаза провалились в почерневшие глазницы. Но тут солнце, вырвавшееся из-за горизонта, ударило своими горячими лучами в эту жуткую картину и всё закончилось. Чёрный резко отпрянул от рыцаря и, накинув свой плотный саван, повернулся спиной к ярким солнечным лучам. А мальчик, и без того до ужаса напуганный увиденным, совсем поledenел от страха. Саван на мгновение качнулся в сторону и перед Даниилом предстало лицо того самого рыцаря, которого только что терзал своей страшной рукой человек в чёрных одеждах, повернувшийся сейчас в сторону мальчика. Страшный человек со стеклянной рукой оскалился, и, глядя куда-то вдаль, проскрипел: «Убирайся». – Мужчина выглядел ужасно. За считанные мгновения он постарел лет на тридцать. Волосы уже не были рыжими, они посерели. Он кашлял и тяжело дышал. Старик попробовал встать, но ноги его не слушались и он пополз прочь, стараясь изо всех сил, как можно скорее покинуть это место. Не обращая на него внимания, человек в чёрном одеянии спросил самого себя: «Куда же ты мог спрятать столь ценное сокровище, царь Ариарат? – И помолчав секунду, продолжил. – А быть может, ты его кому-то отдал?»

Солнце поднималось вверх всё выше и начинало жечь и без того сухую землю. Человек в чёрном саване повернул в сторону беспощадного светила свою голову, и в то же мгновение, издав громкий скрипящий крик, исчез. От этого крика, Даниил схватился за свои уши, а когда отнял от них руки, они были все в крови. Мальчик провёл пальцем по уху, и почувствовал тёплую липкую массу, покрывающую его. Перепонки не выдержали резкого звука, и из ушей потекла кровь. Даниил вытер руки о свою одежду и достал из-за пазухи свиток. Положив странный пергамент перед собой на землю, он в задумчивости посмотрел на него.

«Что же в тебе такого?» – мелькнул в голове само собой напрашивающийся вопрос. Даниил был весьма и весьма смышлённым ребёнком. Он сразу понял, что свиток, который отдал ему поверженный всадник, очень важный, и что ради него могут убить даже царя. А сейчас, после увиденного, и услышанного, он несколько не сомневался, что хранить при себе этот странный пергамент будет очень страшно и жутко опасно. В голове тут же возник второй по важности на данный момент вопрос: «Что же мне с тобой делать?»

Немного поразмыслив, и придя к выводу, что проку от свитка не будет до тех пор, пока он не выучится грамоте, Даниил принял первое в его жизни серьёзное решение.

Осторожно осматриваясь по сторонам, мальчик выбрался из своего укрытия. Он очень аккуратно, чтобы не быть никем замеченным, стал продвигаться по склону небольшой возвышенности. Пройдя несколько метров, он смог сориентироваться в направлении, и по знакомым приметам, начал медленно приближаться к деревне. Крадучись, он вышел на то место, с которого прошлой ночью начинал своё наблюдение за битвой. Поле было сплошь усеяно трупами. Сотни и тысячи, они лежали повсюду, а над ними уже кружили грифы, почувствовавшие приближение щедрого пира. Даниил присмотрелся. Среди убитых сновали странного вида люди, они всё время нагибались, а некоторые совсем не выпрямлялись, рыская, словно вынюхивающие след псы. Мальчик приложил руку к груди, и нащупал заветный свиток.

– Они тебя ищут! – сказал он шёпотом и, развернувшись, устремился прочь.

Свои кувшины он не нашёл, и поэтому решил идти в деревню с пустыми руками. В очередной раз осмотревшись, и не заметив опасности, он бросился со всех ног домой.

Его ожидало страшное разочарование. Деревня была пуста. Даниил вбежал в свой дом, громко позвал мать и сестру, но ему никто не ответил. Он выскочил на улицу и бросился к соседу, к мужчине, который помогал ему нести тяжёлые кувшины, но и там никого не было. Мальчик заметил, что почти все вещи остались на своих местах, а вот оружия в доме не наблюдалось. Он бросился вглубь выдолбленного в пещерах дома, и проскочив по низкому вырубленному в скале коридору, оказался в маленькой комнатке. Подойдя к дальней стене, он наклонился и откинул плетёную из лозы сетку. В углублении, выдолбленном в стене, открылась глубокая ниша. Мальчик посмотрел внутрь и его руки окончательно опустились. Ниша была пуста.

Это место использовалось жителями его деревни как склад продовольствия, которым в случае трудных дней, питались все. Но так как в деревне, никого не было, а склад был пуст, вывод напрашивался только один. Деревню бросили.

Скорее всего, когда он не пришёл вслед за остальными мужчины отправились его искать. Они нашли кувшины с водой и унесли их в деревню. Но они услышали и, скорее всего, увидели происходившую на равнине битву. Быть может, они и пытались искать Даниила в полной ужасных криков и смертей ночи. Но, что более всего вероятно, мужчины вернулись в деревню и, собрав всех жителей, увели их подальше от этого места, поскольку не знали, что будет с деревней, когда на неё наткнутся раззадоренные битвой воины. В лучшем случае разграбят маленькое селение, а в худшем, убьют или уведут в рабство всех мужчин и женщин.

Мальчик медленно развернулся и пошёл обратно на улицу. Вернувшись к себе в дом, он первым делом бросился в своё тайное хранилище. Не секрет, что у всех детей есть тайны, которые кажутся для них самыми великими в их жизни, и которые нужно где-то прятать. Вот и

Даниил, как и все дети в его возрасте, имел такой тайник. Вбежав в вырубленное отцом специально для него круглое помещение с большим окном, он подбежал к одной из стен и опустившись на колени, расчистил руками песчаный пол. Под небольшим слоем песка оказался весьма массивных размеров камень. Мальчик специально сделал так, чтобы сестра, если и найдёт его тайник, никак не смогла бы его открыть. Камень был круглым, плоским и очень тяжёлым. Мальчик провозился довольно долго, пытаясь его сдвинуть. Мысленно ругая самого себя за столь коварную задумку с тайником, он с большим трудом выволок камень и достал из показавшейся за ним ямки маленькую плетёную коробочку. Она, как и многие предметы утвари, была сделана из виноградной лозы весьма искусным плетением, которым раньше занималась мать.

Даниил уселся на песок и, прижав к себе коробку, глубоко вздохнул. Его сокровище было на месте. В состав сокровища входил осколок странного красного камня, которым можно было рисовать на больших валунах. Красивая плетёная повязка на руку, что отец привёз ему из поездки в город, когда-то, множество высохших виноградных косточек и серебряная монета, которую он нашёл на дороге, после того как караван торговцев покинул их деревушку, опустошив почти все запасы вина. Мальчик прекрасно помнил тот день. Он как раз проснулся от криков погонщиков и караванщиков, которые пинками, криками, а ещё и тумаками, подгоняли своих рабов, которые совершенно не хотели просыпаться в такую рань, чтобы вести верблюдов в жаркую пустыню. Когда караван тронулся, подняв целую стену пыли, мальчик побежал на самую высокую гору, чтобы оттуда понаблюдать, как караван идёт по равнине. А когда он возвращался, то наступил на что-то очень горячее. Отскочив в сторону, он нагнулся и увидел в дорожной пыли овальную монету с изображением красивого мужчины с кудрявыми волосами и венком, украшавшим его голову. Монету он понятное дело спрятал и лишь однажды рассказал о ней матери. Уж очень хотелось похвастаться находкой. Она с улыбкой потрепала его по голове и сказала, что деньги это большое зло, и если не научиться их контролировать, то они могут убить любого. Он тогда испугался и даже хотел выбросить монету, но она вновь посмеялась, и сказала, что от одной монеты, да ещё неведомо чьей, ничего плохого с ним не случится. Нахлынувшие внезапные воспоминания, совсем опечалили мальчика.

Даниил опустил на землю и, прижав ладони к лицу, не сдержался и заплакал. Он подумал об отце, о том, как ему его не хватает. Подумал о бедной матери, которая наверняка потеряет рассудок от горя за сына. О сестре, которая ещё мала и не сможет выжить, если с мамой что-нибудь случится. В последнюю очередь он подумал о себе. А точнее не подумал, а вспомнил, поскольку совершенно пустой желудок дал знать гулким урчанием. Утерев с лица слёзы, мальчик поставил коробку на землю и положил рядом с ней свёрток пергамента. Желудок в очередной раз воззвал к Даниилу своим желанием перекусить. Мальчик погладил по животу и, посмотрев на все свои сокровища, подумал: «Всё бы сейчас отдал за миску хорошего супа». Он сглотнул слюну, подобрал все свои не великие богатства и опустил обратно в яму. Пергамент он предварительно завернул в кусок валявшейся на земле тряпицы. Осторожно присыпав свои сокровища песком, Даниил стал укладывать на них плоский камень. Провозившись какое-то время, камень он установил и как и прежде засыпал его песком. Отдохнув немного, мальчик направился в дома соседей искать что-нибудь перекусить. В животе уже изрядно ныло, и мальчику показалось, что все его внутренности завязались в узел, а бедный желудок уже начинает поедать самого себя. В доме главы он без труда отыскал несколько кусков сухого хлеба и недопитую бутылку с вином, которое уже начинало прокисать. В деревне виноделов вино пили все от мала до велика. Это не означало, что все тут были пьяницами, просто раз уж так повелось, что они делают вино, и по меркам города, в котором они его продавали, вино они делали неплохое. То и относиться к творениям рук своих нужно с соответствующей любовью. Поэтому, все жители имели полное право насладиться глотком любимого напитка, и это считалось большой честью. А в день «молодого вина», когда деревня праздновала сбор очередного урожая,

мужчинам позволялось пить, сколько влезет, чтобы на весь следующий год набраться сил для новых трудов.

Покончив с трапезой, Даниил почувствовал, что тяжесть и усталость наваливаются на него, словно утренний туман, что покрывает землю. Мальчик протёр глаза и медленно поплёлся прочь из дома главы деревни. Пошатываясь, он вышел на освещённую жарким солнцем улицу, и тут прямо перед ним словно из ниоткуда возник всадник на огромном коне. Конь вскинулся на дыбы, а Даниил, испугавшись, отшатнулся назад и свалился на спину. Он испуганно смотрел на огромное животное вздыбившееся над ним и готовое растоптать его своими копытами.

Спустя мгновение Даниил увернулся и бросился в сторону. В этот момент конь ударил передними копытами как раз в то место, где только что лежал мальчишка. Всадник сыпал проклятиями на неизвестном Даниилу языке и, держа коня под уздцы, старался его усмирить и успокоить. Из одного из домов вышли двое воинов и перекрыли Даниилу путь к бегству. Прикинув расстояние до ближайшего окна, парнишка бросился туда, и словно ныряя в воду, кувырком впрыгнул в ближайший дом. Воины, опешившие от такой прыти, сперва столкнулись лбами, бросившись, было за мальчишкой. Выругались, потолкались на месте и кинулись к двери. Для двоих крепких воинов, двери маленькой глиняной хижины оказались слишком узкими и они в них застряли. Даниил тем временем выскочил из противоположного окна хижины. Воины заметили это и бросились вокруг маленького дома, обегая его с двух сторон. Когда они вновь встретились, там уже шла самая настоящая погоня. Пара всадников гнались за парнем улепётывающим со всех ног в горы.

Даниил мчался, что было сил по горячей песчаной земле, не оглядываясь, чтобы ненароком не споткнуться. Он вырос в этих краях и прекрасно знал все тропинки. Невзирая на усталость и боль в ногах, бежал к спасительному подъёму. Эту дорожку, ведущую в горы, в своё время показал ему отец. По ней они часто ходили на охоту, которую отец обожал. Дикие козы в здешних краях весьма прыткое и нервное животное, но несмотря на это, без добычи они, как правило, не возвращались. Отец был отличным лучником и всегда попадал в цель. А однажды даже позволил сыну самостоятельно выслеживать добычу. Конечно, результат получился не лучшим, но зато мальчик смог загнать одного из животных в устроенную отцом ловушку, и охота вновь удалась. Они забили добычу и отец, взвалив козу на плечи, нёс её до самой деревни. Даниил всегда восхищался силой отца, и стремился всячески быть похожим на него.

Тропинка, по которой мчался Даниил, была отнюдь не прямой, а весьма извилистой. Она всё время виляла, обходя стороной огромные валуны и насыпи, заворачивала за остроконечное горные изваяния, коих в здешних краях было великое множество и упорно стремилась к вершине. Мальчик резко сворачивал то вправо, то влево. Задыхаясь от быстрого бега, и покрываясь струйками пота, которые настырно стекая со лба, попадали прямо в глаза, отчего слёзы начинали течь градом, и видимость становилась размытой, словно мутное стекло. Сердце бешено колотилось в груди, и казалось, что оно вот-вот выскочит и умчится вперёд, обгоняя беглеца. Страх не давал остановиться и подгонял мальчика, словно подталкивая нарочно в спину. Всадники с криками проклятий сначала пытались выравнять своих лошадей и направлять их вслед за беглецом. Но когда фигура мальчишки скрылась за высоким гребнем очередной возвышенности, а лошадь одного из наездников сбросила его на резком повороте, они прекратили погоню.

Совершенно измученный этой сумасшедшей гонкой, мальчик остановился только тогда, когда голоса преследователей окончательно стихли. Он упал на землю и глубоко дыша, перекатился на спину и стал протирать залитые солёными слезами глаза.

Отдышавшись, он уселся в тени ближайшего валуна и прислушался. Ничто в округе не нарушало спокойное течение жизни. Лишь птицы, изредка пролетающие мимо, своими криками пронзали тишину.

Просидев какое-то время в тени и успокоившись, Даниил встал и осмотрелся. Как оказалось, он убежал довольно далеко от дома, но места, в которых оказался, всё ещё были узнаваемы, и мальчик, медленно пошатываясь, пошёл дальше в сторону возвышенности. Вскоре он набрёл на небольшую пещеру, в которой они останавливались на ночлег во время охоты, и практически вполз внутрь. Силы покинули его, и он мгновенно уснул.

Во сне его мучили страшные кошмары. Огромная чёрная лошадь с горящими красными глазами всё время пыталась нагнать его и затоптать своими тяжёлыми копытами. Он старался убежать от неё, но почему-то бежать было очень трудно. Передвигать усталые ноги, ставшие невероятно тяжёлыми, было совершенно невозможно, и он двигался очень медленно. А конь мчался быстро и с каждым разом удары копыт становились всё громче и громче. И вот когда массивный круп коня был уже совсем рядом и, вздыбившись над мальчиком, уже собирался ударить его, он проснулся.

Вскочив на ноги, он вскрикнул. Всё тело было мокрым от пота и холодным словно лёд. Осмотревшись по сторонам, и вернувшись в реальность, Даниил присел на землю. Обхватив голову руками, он заплакал, сам не понимая от чего. Быть может, сказало напряжение последнего дня, а, возможно, это был обычный страх. Одиночество тоже давало о себе знать. Он боялся оставаться один. В неведении за своих родных и близких и за своё будущее, которого теперь не мог даже и представить, он снова не заметил как заснул, но теперь его сны были пустыми, и проснувшись он даже не смог их вспомнить. Выйдя из пещеры, он ощутил свежесть ночной прохлады. Солнце было ещё глубоко в своей дрёме и на улице было темно. Звуки ночной жизни заполнили мир и, усевшись на ближайший камень, мальчик прислушался. Летучая мышь промелькнула совсем рядом и, пискнув схватила какое-то насекомое, умчалась дальше по своим делам. Стрекотание цикад и кузнечиков было таким сильным, что казалось невероятным, с учётом того, что раньше мальчик этого как-то не замечал. Их звук был ровный, монотонный и даже слегка завораживающий. Даниил даже удивился: «Откуда их тут столько?» Раньше он и вправду не обращал внимания на это, и даже не замечал присутствия невидимых музыкантов. А тут оказалось, что их просто невероятное количество. Иначе как им удаётся производить такую какофонию звуков. Наслаждаясь их мелодией, мальчик поймал себя на мысли, что все его заботы и страхи сами собой забылись, и что сейчас он невероятно спокоен. Лишь на мгновение он задумался о произошедших с ним событиях и решил, что пока они вновь не затуманили его голову, нужно постараться подумать о том, что же ему делать дальше.

Прикинув сложившуюся с ним ситуацию, он решил, что нужно попробовать вернуться в деревню. Поискать что-нибудь из припасов и идти в соседнее селение, в котором уже много лет проживает семья его матери. Он был там лишь однажды, когда мать навещала своих родных. Путь туда был не близкий, и по воспоминаниям мальчика, составлял примерно двадцать суток. Так что если он решится на такое путешествие, ему нужно взять с собой еды и главное пополнить запас воды. От мыслей о воде в горле тут же запершило, и Даниил сглотнул слюну. Выпитое им вино жажду утоляло слабо и, поэтому, сейчас пересохший язык требовал утолить эту потребность. Прикинув расстояние своего похода, мальчик решил, что если воды в своём селении не найдёт, то ему предстоит сделать приличный крюк, чтобы сперва попасть на озеро, к которому он ходил с мужчинами своей деревни за водой. А уж потом двигаться в направлении соседнего селения. Поразмыслив ещё немного и собравшись с силами, Даниил решил идти в деревню. Можно было бы попробовать отсидеться в горах, тем более что некоторые навыки охотника у него имелись, и от голода он бы не умер. Но оставалась надежда, что его родные ушли именно в ту самую деревню, в которую он намеревался держать путь. А учитывая, что найти его они не смогли и их земля отныне считается осквернённой кровью великого смертоубийства, произошедшей тут битвы. Вернуться сюда они наверняка не решатся. Даниил хорошо знал законы своего народа, и это в большей степени повлияло на его решение идти в соседнее поселение.

Он очень осторожно и тихо как мышка, прокрался через уходящий вниз склон и спрятался на небольшом холме, с которого было хорошо видно его деревню. Рассвет медленно начинал вступать в свои права и горизонт уже окрасился багровым светом, когда он подкрался к своему наблюдательному укрытию. В центре поселения мерцал догоревший костёр, и лёгкий ветерок, поднявшийся с рассветом, то и дело раздувал угасающие угли. Вокруг костра спали воины, те самые, что гнались за ним вчера. Лошади стояли привязанными к врытому в землю столбу и изредка фыркали, тряся головами. Сперва он хотел незаметно прошмыгнуть мимо спящих, но потом вспомнил вчерашнюю погоню, и в очередной раз, почувствовав боль в мышцах ног, решил дождаться, пока солдаты уйдут.

Ждать пришлось недолго. Как только солнце показалось из-за вершин далёких гор, воины проснулись. Переговариваясь на незнакомом для мальчика языке, они собрали свои вещи, затем дружно уселись у потухшего костра и принялись за трапезу. В животе у мальчика ожил требующий еды желудок. Он сглотнул слюну и, сдерживая из последних сил чувство нарастающего голода, продолжил своё наблюдение. Покончив с едой, воины собрали вещи и, погрузив свои спальные тюки на лошадей, устремились в сторону восхода.

Дождавшись пока они уедут и пыль, поднятая ими, уляжется, Даниил выбрался из своего укрытия и бросился в деревню. Он быстро обежал дома своих соседей и, обыскивая все самые укромные уголки, собрал небогатый, но достаточный для похода урожай. Тут были бобы, немного вяленого мяса, изюм, несколько корок засохшего хлеба и полбутылки вина. Провиант был скудный, но для подростка одиннадцати лет вполне хватало. Завернув всё найденное в мешок, Даниил направился в свой дом. Он хотел ещё раз осмотреть жилище в надежде, что мог в прошлый раз по невнимательности что-то пропустить. Внимательно осмотрев помещение, он нашёл старый отцовский нож и засунул его за пояс. Затем, взобравшись по вырубленным в стене выступам, которые использовались как полки для различных мелочей, обшарил рукой отцовский тайник. Нашупав то, что искал, он резко рванул рукой предмет, но не удержался и с криком свалился на пол. Потирая ушибленное место, мальчик взглянул на предмет, ради которого стоило так рисковать. Хорошо сделанный из овечьей кожи бурдюк, которым отец весьма дорожил, был весь покрыт пылью, и мальчик, забыв про боль, радостно улыбнулся. Вскочив на ноги, он закинул бурдюк за спину и продолжил осмотр. В старой кладовой, которой уже казалось и не пользовались, он нашёл сушёные фрукты и мамины любимые орехи. Невероятно обрадовавшись такой находке, он отнёс её в свой мешок и, осмотрев родной дом в последний раз, решительно направился в сторону озера.

Глава 2. Чёрное и белое.

Вабар. Мир на пороге мира.

Огромная рыжая гора возвышалась вдалеке. Она словно горб верблюда была столь же уродлива и склонялась в сторону ближе к вершине. А вокруг расстилалась бескрайняя пустыня, покрытая красным песком, и злой ветер постоянно перегонял его из одного края предгорной равнины в другой. По-видимому, цвет горного хребта обуславливался именно цветом этого самого песка.

На горизонте, затянутом чёрным небом, блистали молнии, разрезая воздух своим ярким смертоносным светом голубых вспышек. Становилось темно, и ветер усилился, поднимая вверх всё новые и новые клубы рыжего песка. Подножие горы было укутано бурей, а её вершина покрыта черными тучами. Воздух был раскалён до предела, и земля стала горячей словно угли.

Некогда этот мир был цветущим и красочным, полным жизни и любви. Тут были зелёные поля, и стада диких животных разгуливали по равнине устланной сочной травой. Исполинские деревья были настолько велики, что даже самый могучий из смертных не смог бы их охватить. Под их пышными кронами резвились звери и порхали птицы. Но теперь этого ничего не было. Как не было и того мира, что был свеж и полон жизни.

Некогда тут жил древний и мудрый народ Адиты. Их мир был прекрасен. Они были людьми большого роста, и жили в красивых городах под властью своих мудрых царей, чьи величественные замки были выкованы из железа. Долгое время они существовали в благоденствии и процветании, и поклонялись множеству богов, пока однажды пророк Худом не призвал их к единобожию. Адиты воспротивились его словам и изгнали из своего мира. В наказание на них была наслана великая засуха и страшный ураган.

За десять лет засуха иссушила некогда цветущий мир. А потом налетел ветер. Ураган бушевал семь дней и восемь ночей и полностью уничтожил Адитов, и остатки их красивейшего мира. С тех пор Вабар стал жутким местом, страшнее которого нет для смертного. Найти дорогу сюда, не дано никому. Человек может попасть в Вабар только волей случая, и независимо от проступков и грехов. И пока из всех оказавшихся тут, вернуться назад не удалось никому. Сейчас Вабар населяют лишь Джины. Легенда гласит, что где-то в глубине этого мира есть оазис с чистой водой и цветущими деревьями, и что Джины разводят там самых красивых и лучших в мире верблюдов. А попавших сюда людей, Джины разделяют на две части, и эти половинки уже никогда не смогут найти друг друга.

Стоявший посреди этой страшной пустыни красивый человек уже довольно давно наблюдал за бушевавшей вдали бурей. Она вызывала у него неприятные воспоминания. Когда-то давно он уже посещал Вабар. В те времена это был совершенно другой мир. Он знал людей, живших тут когда-то, знал правителя этого мира. И когда пришло известие о том, что Вабар умирает, он бросился сюда и слёзно молил Создателя простить этих людей за их недалекость. Но его мольбы услышаны не были, и почти все кого он знал в этом мире когда-то, погибли. Всё это произошло у него на глазах, и ему оставалось только скорбно наблюдать за происходящим. Минуло уже множество лет, а он всё никак не мог простить себе того, что молился за жизни народа Вабар недостаточно усердно. А быть может и слишком поздно. Беда цивилизаций, подобной Вабар в том, что они слишком сильно любят самих себя, и забывают об истинном смысле своего существования. Окружённые красотой, блаженством, достатком, они забыли о своих корнях, о той истории, что сделала их такими. Самовозвеличивание, попытки выдать то, что не столь уж важно за истину. Отрыв от своих родных истоков и создание новых богов взамен старым. Неуважение к истории своего рода и любви к самим себе взамен простой

милости к окружающему их миру. Вот причина гибели их народа. Пусть даже их боги и были, как им казалось, велики и могущественны, они не устояли под истинным гневом единого Господа. В результате, наступил конец.

Что осталось от некогда великого народа мира Вабар? Легенды, мифы, которые рассказывают лишь странствующие бедуины. Их мир превратился в страшную сказку, финал которой фатален.

Мужчина отвлекся от печальных мыслей и расправил полы своей белой одежды. Жара, стоявшая тут теперь постоянно, действовала на него раздражающе. Он не любил такого климата и предпочитал прохладу. Но дело, которое привело его сюда, было слишком важным, чтобы обращать внимание на столь мелкую неприятность.

Закончив поправлять свои одежды, мужчина громко произнёс:

– Ты опоздал. Прими мои слова, как неприязнь, ибо я не думаю, что у тебя в мире больше дел, нежели у меня. – Он развернулся, и оказался лицом к лицу с человеком, полностью накрытым с головы до пят чёрным саваном. Резкий порыв ветра рванул одежды, и саван распахнулся, но лица человека мужчину в белом так и не увидел.

– Ты ждёшь извинений за мою непунктуальность? Что ж, ты их не получишь. Поскольку оговорен был лишь день, а не точное время, так что забери назад свои претензии, Отец. – Послышался противный скрипучий смешок. Человек в белых одеждах спокойно смотрел на столь неожиданно появившегося собеседника.

– Зачем ты меня звал Гильгамеш? – обратился он к человеку в чёрных одеждах, и сложил руки у себя на груди.

– Хотел узнать, как твои дела, отец. Как там мой младший брат Банир? – противным голосом спросил чёрный. Мужчина в белом был неподвижен.

– Всё хорошо, – ответил он. – А твой брат, – он на мгновение замолчал. – Он в добром здравии и продолжает постигать секреты мира, несмотря на все наложенные на него обязательства. Он хороший сын, лучше, чем ты. Гораздо лучше. – Человек в чёрных одеждах мигом переместился за спину белого.

– В чём же он лучше, отец? – проскрипел его противный голос. – Быть может, он во всём потакает твоим делам и мыслям? Или ты любишь его больше, чем меня? – человек в чёрном уже практически вплотную приблизился к спине красивого мужчины. – Или, быть может он не такой урод как я!!! – выкрикнул он практически в самое ухо стоящего перед ним и, переместившись из-за спины, прямо перед лицом красивого мужчины резко сорвал с себя саван. Блеск далёких молний отразился в глазах Отца. Саван упал на песок, и ветер, подхватив его, легко поднял ввысь тяжёлую ткань.

Перед мужчиной в белых одеждах стоял уже не человек. Это было нечто, полностью состоящее из ярко блестящего ограненного по краям стекла. Всё его тело было словно алмаз и переливалось всеми оттенками радуги, отражая всё, что в него попадало. Существо смотрело на мужчину в белом с невероятной злобой и ненавистью.

– Смотри Отец!!! – крикнул стеклянный человек. – Он не такой как я? Именно поэтому, он лучше? – неистовая печаль опустила на лицо мужчины в белых одеждах. Он смотрел на своё творение, и по его щеке прокатилась горькая слеза. В памяти сразу вспыхнули воспоминания давно прошедших лет, когда его жена Роза ждала ребёнка. Банистур, так тогда его звали, был в то время полководцем, молодым красивым мужчиной и уже полгода сражался на войне. Победа досталась им тогда невероятно тяжело. Враги были жестоки и сражались до последнего, не желая сдаваться. Много великих воинов пало в тот день. Но такова суть любых войн. Битв без потерь не бывает. Гонец прискакал к нему уже поздно ночью, и известил, что его супруга должна родить со дня на день. Но впереди была решающая битва, которая положила бы конец войне. И уехать к жене военачальник не смог.

На утро была битва. В пылу сражения он убил одного из великих воинов своего врага и пленил его женщину. Она оказалась настоящей бестией, да ещё ко всему и ведьмой. Женщину он велел поместить в клетку и ночью, устав от её истошных криков, пошёл навестить пленницу.

– Зачем ты кричишь, женщина? Ты мешаешь спать всем вокруг и мне в том числе, – прокричал он на закованную ведьму. Та посмотрела на мужчину с неприкрытой ненавистью и сказала:

– Я хочу докричаться до своего мужа и рассказать ему о том, кто убил его, чтобы, когда придёт твой час, он мог знать, кого ему предстоит найти в вечных степях, – она плюнула в сторону военачальника и продолжила свои истошные крики. Мужчина не стал с ней спорить и приказал страже заткнуть мерзавке рот. Но это не помогло, она каким-то чудом высвободилась от кляпа и продолжала кричать.

На утро, не выдержав и понимая, что толку от истеричной рабыни не будет, военачальник приказал казнить женщину. Перед смертью она сыпала на него проклятия, и когда её голова опустилась на плаху, сказала, глядя прямо ему в глаза:

– Ты и твой род, будут вечно проклинать этот день, когда я умерла, – и с улыбкой на лице лишилась головы.

Война закончилась победой, но неприятный осадок от слов ведьмы остался, и предчувствие чего-то плохого не покидало военачальника. Вернувшись домой он узнал ужасную весть. Его жена в муках родила нечто. Узрев своё чадо, военачальник едва не лишился рассудка. Ребёнок был необыкновенным. Его кожа было словно выплавлена из стекла, и напоминала огранённый алмаз. Тут он и понял смысл слов, что сказала ему ведьма. В тот же день он велел спрятать младенца от людских глаз. Мальчика вывезли к границам царства и скрыли в далёком храме. А военачальник погрузился в печальные раздумья.

Шли годы, мальчик рос и в его поведении все окружающие отмечали невероятную злобу и хладнокровие. В возрасте семи лет он убил всех служителей храма, о чём было немедленно доложено военачальнику. Ужас охватил его тело, когда он узнал об этом. Банистур повелел спрятать это исчадие в самую глухую тюрьму, что была в царстве. Изредка он навещал его, и они подолгу беседовали. А однажды пришло известие, что парнишка пропал. Он просто исчез из своей камеры, оставив лишь выжженный круг на стене и полу. И никто его больше не видел. Поиски, учинённые по всему царству, не увенчались успехом, и вскоре прекратились.

Шли годы, а военачальник и его жена стали замечать, что совсем не меняются в лице, хотя все их друзья и родственники были уже близки к старости. В их окружении поползли нехорошие слухи. На семейном совете было решено покинуть царство. И военачальник с женой уехали в другую страну. Там они поселились в отдалённом и неприметном храме, и стали жить как простые монахи.

Однажды ночью к ним в келью явился яркий свет, и повелел им зачать младенца.

– Страдания ваши мне известны. – Было сказано им. – Я давно наблюдаю за вами. Чадо ваше, что прежде вы произвели на свет, ныне груз вашим душам. Коль так случилось, что проклятие не снять никому кроме вас самих, последуйте велению моему, и станете вы сами смыслом моим. – Голос света был краток, но и этого хватило супругам, чтобы понять его истинный смысл.

Через год на свет появился их второй ребёнок. Он был совершенно нормальным, но родители всё равно боялись, что с малышом, что-то не так. Младенец рос, и вот когда ему исполнилось десять лет, вновь появился свет.

– Ваш сын, что будет сыном мне, и вы мои дети. Вручаю вам силу, с которой вам предстоит нести слова мои к роду людскому, и наблюдая, помогать им в мире. Деяния ваши отныне – это просьбы мои. Ибо, нет больше сил у меня, направлять людей. Я покидаю этот мир и вручаю его вам. Лишь напоследок сделать готов я последний подарок своим любимым творениям. Но вам не стоит вмешиваться, пусть он живёт в мире сам. У вас другие заботы. Одно

лишь прошу, сопроводите волхвов моих со священными знаниями для него! Сами вы о многом узнаете из этих писаний, и когда придёт время, отдадите эти знания о мире людям. Но помните, главное в вашем существовании, это вера моя, которую я вручаю вам. Верьте в людей и в меня, и сбудутся ваши желания, – свет нарастающим шквалом блеснул так сильно, что все трое ослепли на какое-то мгновение, а когда смогли видеть, то света уже не было.

С этого дня началась их новая жизнь. Плоть оставила их. И лишь фантомы их прежних тел стали существовать в этом мире. Всё чаще они слышали голос Создателя, что вещал им о многом. А спустя пару сотен лет, голос стих, и вся тяжесть этого мира легла на их плечи. На плечи «Верховных».

– Что ты молчишь, Отец? – противный скрипучий голос вырвал красивого мужчину в белых одеждах из пелены воспоминаний. Прошло уже несколько сотен лет после тех злополучных событий, а он всё так и не смог привыкнуть к этому подобию речи.

– Нет, не поэтому, – гневно глядя на стеклянное существо, ответил красивый мужчина. – Он лучше потому, что не предавал своей семьи, не ступал на путь мрака и смерти, не убивал невинных, не проклинал свою душу. – Он замолчал. Стеклянный человек развернулся и, поймав взглядом метаящуюся в потоке ветра чёрную тряпицу, подпрыгнул вверх и схватил её своей стеклянной рукой. Приземлившись на землю, он мягко спружинил ногами и быстро накинул саван на своё прозрачное тело. Ткань вновь окутала его, и человек скрылся за ней, оставив лишь силуэт.

– Не ты ли сделал меня таким? Бросил на произвол судьбы, заточил в монастырь, спрятал в тюрьму, – его издевательский голос был сродни резаной ране.

– Я лишь хотел защитить тебя и твою уникальность. Неужели ты мог подумать, что я бросил бы тебя? Ты же мой сын.

Человек в чёрном прошёл в ярость и крикнул:

– Не смей называть меня так!!! Я уже не твой сын!!! У меня есть новый отец, и он любит меня по-настоящему!!! Он открыл передо мной весь смысл моего существования, и указал мне мой истинный путь. Теперь я тот, кем должен быть, и признаться я от этого в восторге. – Скрип его голоса больно отдавался в ушах «Верховного». – Он не унижает моих достоинств, а весьма гордится ими. С тех самых пор как он спас меня от твоих оков, я служу ему и благодарен за это. – Человек в чёрных одеждах смотрел своим невидимым взором прямо на «Верховного».

– Ты продал душу Дьяволу, сын мой. Ты глуп, если считаешь это любовью. Он всего лишь использует тебя, ради своей цели. Ты не более чем пешка в его чудовищной игре. – Закончил свою фразу мужчина в белом. – Поверь, его любовь пройдёт, как только ты провалишь его задание. И тогда ты будешь очень сильно страдать.

– Пусть так! – перебил его чёрный. – Но раз ты не удосужился воспользоваться мной, как утверждаешь сейчас, то зачем тогда отговариваешь? Всё уже решено и пути назад нет. Это мой выбор. Я сделал его за тебя и весьма этим доволен. К чему все эти разговоры. Пустая трата времени, я не за этим пришёл.

Мужчина в белом смотрел на своего отпрыска немигающим взглядом: «Права была ведьма. Мне долго ещё сожалеть о содеянном», – подумал он.

– Так зачем ты звал меня? – собрав последние остатки угасающей воли, спросил «Верховный», понимая, что долго вести этот разговор он не сможет. Слишком сильный удар по давним душевным ранам наносит эта беседа.

– Свитки Истории Мироздания с великими «Идущими душами» и их заповедями утеряны, – прокрипел демон. – С момента нашей последней встречи вы смогли объединить их и направить их написание в более сильные руки. Но даже цари не вечны, а людей, которые любят деньги, поверь, гораздо больше.

– В нашу последнюю встречу, ты похитил свиток, и убил ни в чём не повинного человека, – перебил его речь «Верховный».

– Он повинен уже в том, что взялся за его писание! – выкрикнул человек со стеклянной кожей. – Великие «Идущие души», их истории и заветы полностью принадлежат моему новому отцу.

– С чего это он решил, что они ему принадлежат? Пусть довольствуется своими мерзкими отбросами, коих по земле бродит немало, – парировал «Верховный». – Великие «Идущие души» всегда будут на стороне света, так и передай своему новому папаше.

– Это уже неважно, поскольку царь Ариарат мёртв, а свитки исчезли. И теперь тебе нужно искать нового писаря, который сможет узреть приход новых «Идущих». А свитки я всё равно найду. И ты меня не остановишь.

– Нет! – выкрикнул «Верховный». – Не найдёшь.

Демон скривил озлобленную гримасу, и в одно мгновение оказался напротив мужчины в белых одеждах.

– Как ты не понимаешь! Великие души идут делать мир людей лучше, добрее, гуманнее. Они принесут в него мораль и равноправие. Они запретят убийства и насилие. Они дадут им красоту и мудрость. Но в конечном итоге это обернется лишь тем, что всё то, что ты так трепетно и фанатично защищаешь, окажется ненужным, глупым и старомодным. Они сломают твои заржавевшие устои и, расшатав их гуманными лозунгами, воздвигнут на их руинах свой новый мир, в котором не окажется для тебя места. Это путь к свободе. А свобода это всегда новая жизнь. – Его глаза налились кровью, и он выкрикнул прямо в лицо «Верховного»: «Но мне такая жизнь не нужна! И я сделаю всё, чтобы не дать им её заполнить!».

Наступила гнетущая пауза, и «Верховный» почувствовал, что его разум начинает угасать.

Великие «Идущие души», их знания и заветы были сокровищницей беспокойного мира людского. Многие века, с самого своего появления, «Верховные» следили за их сохранностью. Поскольку только от великих «Идущих душ», зависело развитие человечества. Великие люди рождались постоянно. Их дела были занесены в три свитка Истории Мироздания, ещё до их появления, и являли собой некую форму отчётности за деятельность «Верховных». В свитки были занесены законы, имена и писания, созданные на благо развивающейся цивилизации. И ценность этих свитков недооценивать было невозможно, поскольку души людей, занесённых туда, являли собой величайшую ценность. Тёмные тоже могли предвидеть появление Великих «Идущих душ», но не так ярко как это делали люди. В целом из общего количества под их влияние попадала ничтожная часть. Именно поэтому на свитки постоянно велась охота. Найти человека, который сможет предвидеть их появление и занести в свитки все их предстоящие дела, было невероятно трудно. Не всегда «Верховным» удавалось защитить эти знания, и тогда власть над великими людьми захватывал Тёмный повелитель. Появлялись великие тираны, великие полководцы, захватывающие огромные пространства и превращающие их в империи, под гнётом которых погибали целые народы, новые орудия смерти и методы ведения войны, жуткие культы и новые злобные боги, требующие от людей жестоких жертв. В общем и целом это не несло ничего хорошего и сильно затрудняло развитие мира людей, тормозило развитие их морали. Именно поэтому, ради безопасности, «Верховные» объединили три свитка в один, чтобы было проще охранять великие знания.

Но вот теперь свитки утрачены, а это значит, что о появлении этих выдающихся людей своей эпохи никто, никогда не узнает, и в мире будет нарушено равновесие.

Великий «Верховный» тяжело вздохнул, отвёл свой взгляд в сторону и стал наблюдать за стремительно приближающейся бурей. Это было настолько символично, что мужчина в белых одеждах совершенно не хотел покидать этот мир. Его сознание было уже практически подавлено общением с демоном и ему хотелось остаться здесь, и погибнуть, как когда-то погиб великий народ Адитов. «Значит, теперь на земле начнётся кошмар и его сил не хватит, чтобы противостоять ему. Тёмный повелитель отправит своих многочисленных детей на поиски Великих «Идущих душ», и они принесут в мир людей хаос и ужас. А Создатель, уже давно покинувший

вселенную и заглушивший свой блаженный голос, наверняка ничего не узнает. На это и рассчитывает Тёмный повелитель. В надежде, что теперь ему никто не сможет противостоять, и он может творить в этом мире свои дела безнаказанно. Он отвернулся от созерцания приближающегося урагана и посмотрел на человека в чёрных одеждах. «Мой сын один из многих, чьими руками будет твориться задуманное древнее зло, и я не могу переубедить его, вернуть на путь мира и любви. Он будет убивать, и нести смерть во имя того, кто всего лишь принял его в минуты глубокого отчаяния и пообещал миражи взамен истины», – печаль в глазах «Верховного» преобразилась в глубокие морщины. Слишком много сил отняла у него эта беседа. Взглянув на приближающуюся со стремительной скоростью бурю, и поплотнее запахнув полы своей белой одежды, укрываясь от налетевшего ветра и поднятого им песка, он прокричал своему отверженному сыну:

– У тебя ничего не выйдет, Демон. Я найду свитки и тех, кто будет продолжать их, и ты мне не помешаешь, потому что вера моя сильнее твоих иллюзий! – Демон пристально смотрел на Великого «Верховного», и когда тот закончил, прокричал своим противно скрипучим голосом:

– Ты можешь сколько угодно клясться мне в поступках. Но меня это не впечатляет. Я верю в деяния своего Господина – это и есть моя, вера! Я верю, что всё, что привношу в этот мир, будь то смерть или жизнь, это и есть мой истинный путь и, следуя ему, я найду свитки и всех кто в них, и с гордостью преподнесу своему Господину. А он в награду одарит меня всем, чего я пожелаю, и первым моим желанием будет увидеть твою мучительную смерть, Отец! Наши дела вам не превзойти! Золотой орёл уже расправил свои крылья! Вскоре он накроет ими весь мир! – он закончил говорить и его противный скрипучий смех, от которого рвались барабанные перепонки, а свист ветра практически замирал, разнёсся по мёртвому миру Вабар. Затем демон скинул с головы капюшон, и красивый мужчина увидел искажённое жуткой улыбкой своё собственное лицо. Дрожь передёрнула «Верховного». Демон молниеносно развернулся и мгновенно исчез, оставив после себя лишь клуб чёрного дыма.

«Верховный» смотрел как ветер разгоняет остатки копоты, и опустившись на колени схватился за голову и закричал:

Спустя мгновение, когда далёкое эхо подхватило его крик, на то место, где только что стоял красивый мужчина в белоснежных одеждах, налетел ветер, и поднимая ввысь красный песок, в один миг стёр все следы его пребывания в проклятом мире Вабар.

Глава 3. Герхольд.

Римская провинция Сицилия, город Тиндари. 211 г. до Рождения Христа.

Арена разорвалась от очередного оглушительного рёва беснующейся человеческой толпы. Небольшой, построенный из камня полукруглый амфитеатр был до отказа забит жажущими зрелища зрителями, которые требовали кровавого представления. Их громкие крики, сливающиеся в единый оглушительный рёв, были тому подтверждением.

На песке скромной, залитой помоями и кровью арены, корчился от боли одетый в рваную и грязную одежду человек. Сжимая в руке старый римский меч, он пытался ползти и, не выпуская из руки оружия оглядывался назад. С огромным трудом, сдерживаясь из последних сил, чтобы не потерять сознание от нестерпимой боли в груди он медленно двигался к стене арены. Как будто всё ещё надеясь на то, что там его ждёт чудесное спасение. Его пропитанная кровью одежда покрылась налипшим на неё слоем грязного песка. В глазах начинало темнеть, а левая рука уже практически онемела.

В очередной раз оглянувшись, мужчина издал непонятный звук, чем-то похожий на визг загнанного в угол зверя, который предчувствуя свою неминуемую гибель, начинает метаться по загону и охваченный паникой начинает скулить.

Подбадриваемый яростными криками толпы, за ним медленно шёл тот, от кого и пытался спастись израненный воин. Преследователь как будто бы не обращал на него внимания. Он поднял руки вверх и короткими взмахами подбадривал сидящих на трибунах зрителей, призывая их поддержать его своими криками. Одет он был так же просто – рваная набедренная повязка и лёгкие кожаные сандалии, перевязанные ремнями до самого колена. На голове у него был круглый шлем. На правой руке была надета большая железная перчатка, из которой торчал прямой, но достаточно длинный клинок. Всё тело преследователя было покрыто глубокими шрамами. Они кривыми белыми полосками впивались в его загорелый, сильный торс.

Раненый подполз к стене арены и упёрся спиной в разогретые солнцем камни. Тяжело дыша, он огляделся по сторонам и поднял взгляд на своего преследователя. Воин в шлеме уже натешился криками толпы и одним резким движением выбил меч из руки поверженного бойца. Толпа взревела с новой силой. Тяжёлая нога опустилась на раненую грудь и, уже практически потерявший сознание воин закричал от боли.

Взор бойца устремился в сторону открытого ложа, на котором в окружении слуг и приближённых сидел сам наместник этого маленького городка Гай Квитий с улыбкой наблюдавший за схваткой. Его жена почтенная Октавия, которая поддерживала своего супруга даже в том, что ей самой было не по вкусу. И единственная любимая дочь Квинтавия. Девушке, по всей видимости, разыгравшаяся в центре арены трагедия, была не по душе, и она надменно отвернулась. Мгновения ожидания, казалось, превратились в целую вечность. В помутившемся сознании раненого воина проносились странные звуки, мелькали непонятные образы. Он попытался открыть глаза, но едкий пот залил всё его лицо, и теперь мешал рассмотреть происходящее вокруг, разъедавая глаза.

Наместник Квитий медленно поднялся с кресла, с восхищением осмотрел окружающую его беснующуюся толпу.

– Зрелище удалось и народ доволен этим, а впереди ещё целая неделя игр, и значит, моё благосостояние в очередной раз многократно пополнится. Наёмник сделал своё дело, и теперь я могу спать спокойно. Надо бы его отблагодарить, – наместник слегка улыбнулся. – Ну вот и поблагодарил. Пожалуй, ему этого хватит. Он повернулся в сторону ожидающего кровавой

развязки бойца, стоявшего на песке арены, и легонько кивнул головой. Воин наклонился, и одним рывком схватив за горло своего противника, поднял его на ноги. Раненый уже не сопротивлялся, и удержать его в вертикальном положении стоило воину больших трудов. Тело врага обмякло и превратилось в тушу избитого мяса. Одним резким движением боец вонзил в умирающего свой клинок, торчащий из железной перчатки, и когда последний вздох вырвался из груди поверженного, отбросил уже мёртвое тело обратно к стене.

Арена содрогнулась от очередной волны крика. Зрелище короткого боя и невероятной жестокости финала действительно поразило публику. Люди кричали, свистели и требовали продолжения. Мужчина опустил окровавленную перчатку, и лезвие клинка мигом исчезло во встроеном в ней механизме. Он ещё раз посмотрел на поверженного им бойца и, развернувшись, пошёл прочь. Навстречу ему уже бежали люди с готовностью зарыть тело в специально подготовленной возле арены яме, а в центр песчаной площадки уже выехала телега гружёная булками свежего хлеба.

– Отличное зрелище Герхольд, – услышал боец, входя в ворота арены. – Жаль только короткое, – встретивший его мужчина рассмеялся.

– Да плевать, Залух. – грубо ответил ему Герхольд. – Моё дело убивать, а уж быстро это будет или медленно, зависит не от меня. Но результат всегда один и тот же.

Сказав это, он громко рассмеялся и, снимая шлем, направился в купальню. Мужчина посмотрел ему вслед и, покачав головой, подумал: «Совсем озверел. А ведь раньше ты не был таким».

Уже долгих десять лет он знал Герхольда. С того самого дня, как купил его на севере Италии, заплатив приличные деньги за раба, который приглянулся ему своей злобой. Но та злоба не была наполнена кровью и убийством, она была сплошь покрыта ненавистью к тем, кто заковал некогда простого кузнеца в кандалы. Когда Римские легионы разгромили кельтов и готов в долине реки По, Герхольд не стал воевать, считая что его ремесло и его трудная жизнь и без того слишком давят на него. Он остался в своём родном городе Отон и продолжал работать. Война не повод, чтобы бросать семью – считал он. Его жена как раз вынашивала третьего ребёнка, и работать Герхольду приходилось много. Он целыми днями торчал в своей кузнице и лишь на несколько часов возвращался домой. В деревне его уважали за столь усердный труд, да и мастером он был отменным, и никто не посмел сказать ему поперёк слова. Хотя и шептались люди у него за спиной, обвиняя кузнеца в трусости, но когда в деревню пришли римляне, то только он один встал на защиту своих соплеменников, защищая их и свою семью от тех бесчинств, которые творили распоясавшиеся легионеры. С огромным мечём в руках он отбивался от настырных врагов и положил не один десяток, пока силы не оставили кузнеца. Римляне налетели на него оравой, связав по рукам и ногам. Генерал Римской армии долго осматривал кельта и избивал своим хлыстом. А потом на обозрении всей деревни и на глазах Герхольда зарезал всю его семью, включая беременную жену. Самого упрямого кузнеца заковали в кандалы и отправили в ближайшую Римскую провинцию, где его и встретил Залух. Он как раз возвращался с границы, где полно всякого сброда готового служить кому угодно, и работать кем угодно. По поручению своего Господина, Залух покупал на границе беглых рабов, выбирал из их числа мужчин покрепче и отправлял в господский дом, где в дальнейшем из них делали превосходных наёмников и бойцов для боёв на арене. Проходя по рынку, он заметил прикованных к стене мужчин. Они были невероятно грязны, небриты и практически без одежды. Вокруг не было никого и это Залуха весьма заинтересовало. Он подошёл к закованным и спросил:

– Кто ваш Господин? – ему не ответили. Он повторил свой вопрос на германском наречии, но и тут его ждало молчание. Пожав плечами, Залух осмотрелся по сторонам. Когда он вновь взглянул на рабов, то встретился глазами с довольно бледным мужчиной. Мурашки пробежали по спине Залуха, настолько сильно он испугался этого человека. Он даже попытался

отвести глаза, но вдруг понял, что это за взгляд. Страх, который сковал его в тот момент, был вызван не самим человеком, сидевшим в оковах, а именно его взглядом. Взглядом полным ненависти, злобы и безумного желания мести. Залух увидел в этом взгляде, всё то, что ему требовалось. Именно такой взгляд бывает у людей, способных на всё ради своей цели. А главная цель сидевшего напротив него человека в данную минуту была, по всей видимости, месть.

Отвлёк его от размышлений голос. Залух повернул голову и увидел Римского легионера.

– Чего уставился торговец? Знакомого что ли встретил? – солдат рассмеялся. Залух уже знал что делать.

– Чьи это рабы? – спросил он у солдата. Тот ещё больше зашёлся смехом.

– Это не рабы, это мертвецы. Ожидают казни. Вот этот особенно! – и он пнул смотревшего на Залуха того самого человека. – Убери глаза, пёс! – проорал он на закованного. Понимая, что такой подарок судьбы упускать нельзя, Залух вновь обратился к солдату:

– Я хотел бы купить нескольких. С кем я могу поговорить? – солдат от таких слов явно опешил.

– Купить??? Ты что торговец, совсем из ума выжил? Это же звери, они тебя разорвут, как только ты снимешь с них оковы. Особенно этот. – Он снова пнул того же мужчину. – Убил, говорят, многих прежде чем его скрутили. Ты давай топай отсюда подобру-поздорову, да брось эту затею. – Но Залух знал своё дело и не отступался.

– Я всё-таки рискну, – ответил он. – Сколько ты за него хочешь? – и снял с пояса увесистый кошель с монетами. Солдат мигом забыл о своих словах и уставился на качающийся кошелёк.

– Ну, ты знаешь, они вообще-то не продаются. Их ведь... на казнь. – Он запинаясь в словах и был похож на щенка, которому показали кусок мяса.

– Я дам тебе за него десять денарий, – начал свой натиск Залух. Солдат проглотил слюну, и с трудом отведя взгляд от серебряных монет, высыпавшихся на ладонь торговца, сказал:

– Я же говорю, они для казни.

– Двадцать, – выпалил Залух. Солдат судорожно осмотрелся по сторонам.

– Двадцать пять, и я тебя не знаю.

– Хорошо, – согласился торговец.

– Но смотри, если он тебя убьёт, я тут не причём. Я тебя предупредил, – оглядываясь по сторонам, – сказал солдат.

– Договорились, – ответил Залух, и отсчитав двадцать пять монет, протянул их солдату. Тот быстро спрятал монеты в нагрудный карман, и стал отстёгивать раба. Залух тем временем подозвал к себе своего телохранителя, огромного мулата, сопровождавшего его во всех поездках такого рода. Тот без лишних вопросов схватил грязного мужчину за волосы и потащил к повозке. Пристегнув его сзади телеги цепью, он махнул Залуху рукой.

– Спасибо тебе! – сказал Залух и, попрощавшись с солдатом, отправился дальше.

Ещё полдня он шатался по рыночной площади, покупая заказанные товары. А к вечеру его гружёный караван направился в родные земли. Путь предстоял неблизкий, и в среднем занимал около месяца. Маршрут пролегал через северные земли Италии на юг, в портовый город Неаполь. Оттуда по Тирренскому морю гружёные суда спускались в столь родную провинцию Сицилия.

Залух задумался, вспоминая родные края. Тёплые солнечные дни были там обычным делом, а вот ненастье было редкостью, чего не скажешь, о тех местах, в которых он сейчас находился.

Огромные оливковые рощи, со спелыми плодами, запах свежего масла, кипарисовые склоны. Хвойные леса спускаются вниз, пастбища сменяются виноградниками, нивы – фруктовыми садами и лугами вплоть до обрабатываемых полей и красной черепицы крыш. Ещё

сильнее захотелось домой. Он откинул навес своей телеги и подозвал к себе телохранителя мулата.

– Притащи мне этого кельта, – скомандовал он. Мулат без лишних вопросов скрылся за повозкой, устремляясь в конец каравана. Через некоторое время он появился, таща за собой шатающегося от усталости мужчину. Не говоря ни слова, он быстро пристегнул раба к повозке своего Господина и, отступив на пару шагов назад, продолжил свой путь.

Залух презрительно взглянул на раба и спросил:

– Как тебя зовут? – мужчина не ответил, лишь его глаза налились кровью, и Залух увидел в них всё ту же злобу. – Хорошо, можешь не отвечать, и тогда я дам тебе имя, которое сам захочу. Но тебе оно может не понравиться, а деваться от этого будет уже некуда. Так что, будешь и дальше молчать? И не смотри на меня с такой злобой, я не виновен в том, что там с тобой случилось. Я лишь спас тебе жизнь от неминуемой гибели. Так что прояви уважение к своему спасителю, – он закончил свой монолог и пристально уставился на раба.

– Герхольд. Меня зовут Герхольд, – спустя некоторое время ответил прикованный к телеге мужчина. – Я не хочу иного имени кроме своего. А уважать тебя я всё равно не буду, поскольку ты совершил то, чего я не желал. Ты продлил мои мучения. Так за что тебя уважать? – пленник замолчал, но продолжил смотреть на Залуха своим жутким взглядом.

– Продлил мучения? – удивился Залух. – Да я ведь спас тебя!!! – с возмущением прикрикнул он на наглого раба. Тот вновь взглянул на торговца с нескрываемой злобой и сказал:

– Я не просил меня спасать. Я всего лишь хотел умереть, чтобы успокоить свою душу и воссоединиться со своей семьёй.

– Ты хотел умереть??? – взорвался смехом торговец. – Ты видно самый тупой кельт, которого я встречал. Открою тебе маленький секрет. – Он наклонился слегка вперёд и оказался практически перед самым лицом раба. – Когда ты умираешь, ты этого не осознаёшь и вряд ли сможешь понять, что умер. Просто в один прекрасный миг твоя жизнь резко изменится, в зависимости от того что ты за человек и чего ты заслужил. Если ты был прилежным праведником, поклонялся Богам, чтил традиции, был честен с женой и своей семьёй – в твою жизнь придёт покой и достаток. Ну а если всё наоборот, то я даже боюсь предположить, в какие кошмары мироздания занесёт твой разум. Одно лишь знаю. Люди никогда не осознают, насколько ценна их жизнь, до того, как придёт время умирать. Так что не торопись кельт. Живи и наслаждайся каждым днём, что дарован тебе Богами. А там, кто знает...

Он закончил и отстранился назад, вновь вернулся в своё прежнее положение. Залух много смертей повидал на своём веку и прекрасно понимал, что есть жизнь. Династия его господина была известна некогда в Риме, как лучшая в подготовке наёмников. А Залух был тем человеком, который сопровождал бойцов Господина с самого их появления в имении до последнего их вздоха.

– Что со мной станет? – вдруг неожиданно спросил раб. Залух не сразу сообразил, о чём он. Находясь под впечатлением собственных слов, он какое-то время смотрел на Герхольда, затем, наконец, сообразив, в чём смысл его вопроса, как бы нехотя ответил:

– Ну, сейчас главное доставить тебя в дом живым и здоровым, иначе Господин мне голову оторвёт, когда узнает, что я заплатил за тебя такие деньги. Так что ты уж будь добр не умирай.

Залух наклонился и достал, откуда-то из глубины своей телеги, приличный кусок хлеба. Он протянул его рабу и добавил:

– Запомни ещё кое-что. Самое простое, что может человек в этой жизни – это умереть. А вот жить не всем удаётся достойно. Так что забудь все эти бредни по поводу спокойствия души и всё такое прочее. Твоя семья уже давно в других мирах и своей смертью ты им не поможешь. Так что живи и продолжай жить. Сам себе помоги. – Залух замолчал, и жестом руки подозвал огромного мулата. Тот отцепил раба от телеги и утащил в конец каравана.

Спустя три недели их караван благополучно достиг порта Неаполь. Пробыв в городе несколько дней, погрузив наконец на корабли все свои богатства, они отправились дальше на юг. Климат здесь был уже не такой суровый, и всё чаще светило солнце. Погода стояла по-летнему тёплая. Дожди практически прекратились, лишь изредка по ночам с моря набегали тучи, шёл сильный ливень, который прекращался также неожиданно, как и начинался. А лужи мигом высыхали, образуя засушливые потрескавшиеся корки глины. Отплыли они рано утром, и ближе к полудню земля окончательно скрылась за горизонтом, уступив место величественному Тирренскому морю. Пока дул попутный ветер, судно шло под парусом, но к вечеру ветер стих, и всех рабов посадили на вёсла. Герхольд, обладавший хорошей выносливостью, без труда управлялся с огромным веслом. Справа от него за таким же веслом сидел ещё один мужчина. Судя по его крепкому телосложению, огромным рукам и могучей шее тоже был претендентом на место в доме. Остальные мужчины были рассажены по двое на весло и были не столь могучи. Пару раз Герхольд и его сосед по гребле поворачивались и смотрели друг на друга оценивающим взглядом, но заговорить так никто первым и не решался. Герхольд лишь одобрительно усмехнулся, когда здоровяк, в очередной раз попавшийся ему на глаза, стал отставать в темпе.

Они гребли практически всю ночь, и лишь под утро подул ветер, наполнивший паруса. Рабов загнали в трюм и бросили несколько кусков чёрствого хлеба. Приковывать на этот раз их не стали, по-видимому, посчитали, что уставшие до изнеможения рабы, да ещё в открытом море, совершенно не представляют никакой опасности. Герхольд уселся на мокрый пол и прикрыл глаза. Всё тело болело от долгого перенапряжения, мышцы были словно натянутые канаты и очень сильно хотелось пить.

– Угощайся! – услышал он очень плохо произносимые слова. Открыв глаза, он увидел стоявшего перед ним того самого здоровяка, что грёб с ним по соседству. Снизу он казался ещё больше. Его светло русые волосы были мокрыми от пота, а голубые глаза сияли, несмотря на усталость. – Испей водицы! – произнёс на сильно ломаном греческом незнакомец. Герхольд с трудом приподнялся и, приняв из рук незнакомца глиняный кувшин с водой. Он склонил голову в знак признательности. – Ты сильный муж, прими моё уважение, – крепким басом произнёс незнакомец. – Меня зовут Коловрат, я Русс, – и он протянул Герхольду свою могучую руку.

– Герхольд! – кельт представился здоровяку кузнец и пожал руку.

Они вместе уселись на сырой пол и Герхольд напившись, вернул кувшин Коловрату.

– Русс? Почему Русс? – спросил Герхольд.

Коловрат пожал могучими плечами.

– Не знаю. Сам я из Лесных народов. Но работоторговцы совсем не разбираются в этом, так что зовут Руссом по цвету волос.

Герхольд улыбнулся.

– Я бы тоже тебя так назвал.

Они дружно посмеялись.

– Скажи, Русс, а твои Лесные земли это где? – с любопытством спросил Герхольд своего нового знакомого. Тот улыбнулся своей широкой открытой улыбкой и, задумавшись, сказал:

– Север. Далеко. Холодно. Много снега и зверей. Леса кругом. Не называй меня Русс, я тебе дал свое имя, – он очень плохо говорил и Герхольду было трудно его понимать, поскольку греческий он и сам знал не очень хорошо.

– Договорились, – кивнул головой кузнец. – А как ты попал сюда? – спросил он у Коловрата. Тот отвлёкся от своих воспоминаний о родине и, нахмурившись, сказал:

– Я странствовал по миру... Злой человек... Одурманил и продал в рабство, – его глаза тут же изменились и стали злыми как у дикого зверя. – Вернись, задушу его же потрохами, – с дикой злобой в голосе закончил он. Герхольд выслушал Русса, и тяжело вздохнув, сказал;

– Оттуда, куда нас везут, вернуться очень трудно, – но его слова казалось, нисколько не расстроили могучего Коловрата. Он улыбнулся и, хлопнув Герхольда по плечу, сказал;

– Отец научил меня биться. Я научу тебя великому бою моего народа. Ты не умрёшь, – Герхольд улыбнулся. Ему понравилось общение с этим странным человеком. Казалось, что он совершенно не боится смерти, а быть может даже и не знает о ней, и это придало Герхольду странную надежду.

С этого дня странная парочка была постоянно вместе. Герхольд учил Русса говорить, а тот показывал ему странные на первый взгляд, но довольно простые и действенные приёмы защиты и нападения. Время в плавании пролетело незаметно, и в конце третьего дня путешествия они прибыли к красивому городу, побережье которого было усеяно маленькими зелёными островами. Город утопал в зелени деревьев, скрывавших небольшие домики с красными крышами.

Всё утро они выгружали товары и грузили их в повозки, а после полудня направились в путь. Как объяснил Залух, поместье его Господина находилось на самой высокой горе, и путь занял несколько часов. По прибытии на место всех рабов затолкали в отдельно стоящий двор больше напоминающий загон для скота и усадили вдоль высокой стены. Так в полной тишине, прислушиваясь к каждому звуку, они просидели до позднего вечера.

Когда солнце уже практически скрылось за горизонтом, на высокий балкон вышли люди. Одно из них Герхольд узнал сразу – это был Залух. Остальных он видел впервые. Громкий голос Залуха заставил рабов подняться.

– Перед вами ваш новый Господин, почтенный Гай Квитий. С этого дня и до последнего вздоха ваши жалкие жизни принадлежат ему, – он сделал церемониальную паузу и, повернувшись, поклонился мужчине среднего роста с лавровым венком на голове. – Его жена, благородная Октавия, и дочь, любезнейшая Квинтавия. При их появлении головы склонять вниз и до требования не отвечать и не смотреть в глаза. Вам всё понятно? – последний вопрос он произнёс повышенным голосом. Смотревшие на него рабы дружно склонили головы. – Хорошо, – сказал Залух, и вновь обратившись к своему Господину, произнёс. – Позвольте, я продемонстрирую Вам, почтенный Гай, тех из рабов, что я отобрал для обучения в вашем знаменитом доме, – наместник одобрительно кивнул, и Залух скрылся из виду. Через мгновение он уже стоял на песчаной площадке. Проходя мимо строя, он указывал на кого-либо из стоявших пальцем и тот делал два шага вперёд. Герхольда и Коловрата он вызвал первых, а когда закончил отбор, представил их своему Господину.

– Мой Господин, из всех выбранных мною, эти двое представляют огромную ценность для вашего дома. Первый, – он указал на Герхольда, – кельт, жуткий убийца, раскидал полковину легиона, прежде чем его смогли схватить и заковать в кандалы. Я выкупил его у палача, и считаю, что в нём скрыт большой потенциал для боёв на арене. Он бесстрашен, свиреп, зол. Все эти качества присущи истинному убийце. Второй, – Залух указал на Коловрата. – Огромная удача для нас. Это Русс. Дикарь с севера. Обладает невероятной силой и умениями. Не боится никого и ничего, – он на мгновение замолчал, чтобы перевести дух. – Таких, как он найти в нашей империи практически невозможно. Ибо Руссы настолько жестоки, что предпочитают смерть рабству и почти никогда не сдаются живыми. Остальные, – указывая рукой, на новых рабов, – будут отличным дополнением к поредевшим бойцам вашего славного дома, – Залух был как всегда прав. Дела в последнее время в доме Квития, наместника города Тиндари на окраине богатейшей провинции шли неважно. После прихода к власти Римской республики народные волнения во вверенном ему городе не стихали практически четыре года. Управлять сбором налогов было невероятно трудно, армии не хватало, а местные наёмники просили слишком высокую цену, и наместнику приходилось тренировать своих. Единственным спасением от бунтов стали игры, которые Квитий сам устраивал и организовал в честь празднования покровителя Бога Марса. Поскольку столь бесчеловечная на первый взгляд жестокость вряд

ли была бы одобрена, узнай об этом в Риме, Гай проводил её в старом амфитеатре, выдавая за новую жестокую пьесу.

Идея видоизменить старый праздник пришла ему совершенно случайно. Однажды двое рабов подрались по какому-то пустяку прямо на его глазах. За это их жестоко наказали, но в голове у наместника засела весьма странная идея. Он вспомнил, что когда-то давно Великий Брут устраивал такие игры. Гай тут же приказал позвать к себе Залуха и озвучил ему свои планы. Надсмотрщик внимательно выслушал Господина и в тот же вечер пригласил его на старый двор. Он предложил Господину присесть в удобное, заранее приготовленное кресло и вывел на песчаную площадку двух рабов. Затем достал два меча и бросил каждому из них под ноги.

– Сейчас вы будете драться, – сказал он. – Кто победит, тому я прощу его провинность и награжу. А проигравшего, – Залух указал на вырытую в глубине двора яму, – зарюют там. Ну а если вы откажетесь, – надсмотрщик указал рабам на тёмный угол двора и из тени выступили четыре крепких легионера с обнажёнными мечами наготове, – вас обоих там зарюют.

Понимая, что выбор у них невелик, рабы начали рубать друг дружку мечами. Это неловкое зрелище настолько восхитило наместника, что он повелел Залуху найти в округе более опытных бойцов для подобного рода боёв.

Первая партия была доставлена в следующую же ночь из городской тюрьмы. Это была настоящая резня. Опытные в искусстве убийства преступники потрошили друг дружку на потеху Господину за жалкие обещания. А когда к утру остался только один из них, его, как и обещали, выпустили на свободу, сбросив с высокого обрыва.

С этого момента наместник Гай Квитий стал проводить такие увеселения, как он их сам называл «игры», и приглашать на их просмотр своих соседей и приближённых. А вскоре амфитеатр в центре города стал самым популярным местом сбора горожан. Бунты утихли. Слух о новом зрелище разлетелся по провинции с невероятной скоростью. В город потянулись всевозможные личности – любители быстро разбогатеть, наёмники, выступавшие на арене за плату. Среди них попадались и весьма опытные воины.

Игры устраивались раз в три месяца и длились две недели, и за это время и без того немногочисленные бойцы Гая Квития гибли от рук приезжих из соседних городов любителей пощекотать себе и толпе нервы. Времени на подготовку новых бойцов катастрофически не хватало, умирали они быстро, и не приносили никакой прибыли. Именно по этому Залух и выискивал самых свирепых воинов по пограничным областям, подальше от имперского взора.

– Пускай их вымоют и подготовят к завтрашнему дню, с рассветом мы посмотрим на что годятся твои новые бойцы, Залух. Вскоре будут новые игры и они должны быть готовы, – выслушав ответ своего управляющего, сказал Квитий и вместе с семьёй покинул балкон.

Когда чета наместника скрылась из виду, слуги погнали рабов в подвал, где находилась баня, и где теперь им предстояло жить.

С этого дня каждое утро и до заката они тренировались. Учились обращаться с различным оружием, часами таскали огромные камни и брёвна, специально предназначенные для укрепления мышц. Коловрат уже сносно говорил, и практически не ошибался. А Герхольд многому научился у своего друга. Русс был действительно умелым воином и прекрасно обращался с мечём, не оставляя шансов даже прошедшим арену бойцам. За два месяца упорных тренировок он обучил всех этому умению и приобрёл в глазах соратников весомый авторитет. Но дружить, ни с кем, кроме Герхольда не стремился. Они прекрасно работали в паре, и Залух был этому невероятно рад. Перед началом игр он зашёл в их казарму и, остановившись возле клеток в которых жили рабы, сказал;

– Завтра великий день для вас и меня. Вы впервые выйдете на арену и вам предстоит сражаться с другими воинами, которых вы не знаете. Дам вам маленький совет. Не жалейте их, ибо они вас жалеть не станут. Не слушайте никого и не обращайтесь ни на что,

просто делайте своё дело. Ваша задача, выйти из этой схватки живыми. Это обернётся славой вам и почестями нашему Господину. Если вы победите, вы будете вознаграждены. И помните, каждая ваша победа приближает вас к свободе, потому что негласный закон гласит – непобедимый воин вправе получить свободу и выйти с арены другим человеком. Помните об этом.

На утро рабов погрузили в окованную железом телегу и повезли на игры. Арена показалась Герхольду невероятно огромной, он даже усомнился в том, что это смогли построить люди. На Коловрата, казалось, это не произвело ни малейшего впечатления. Он без какого-либо интереса осмотрел строение и изрёк;

– Жуткое место. Тут многие умерли, тут кругом бесы. – Что именно он имел в виду, Герхольд не успел уточнить. Их криками выгнали из телеги и повели внутрь. По коридору, освещённому факелами, сновали люди. Большинство в доспехах и с оружием. В одну из комнат которую они проходили, странные люди затаскивали трупы. Их привели в оружейную и предложили выбрать любое оружие и броню. Герхольд сразу же схватил огромный шлем с рогами буйвола и стал подбирать себе меч. Русс ничего не надел на себя, а наоборот снял свою потрёпанную рубаху, и свернув её, аккуратно положил на лавку. Вытащив из стояка огромный двуручный меч, он приноровил его в руках, потом повернул, посмотрел на лезвие, потрогал заточку пальцем, поморщился и направился к точильному камню. Всё это весьма удивило Герхольда и он пошёл вслед за другом.

– Ты не станешь одевать доспехи? – спросил он у Коловрата. – Тот уже точил свой меч и, не отвлекаясь сказал;

– Они мешают двигаться. Становишься неповоротлив и дышать тяжело, а шлем закрывает обзор, – после этих слов Герхольд снял с головы рогатый шлем, и осмотрев его со всех сторон, со вздохом положил на полку. Он встал к соседнему камню и тоже принялся править свой меч.

Когда они закончили к ним подошёл Залух и повёл к выходу на арену. Остановившись перед воротами, он обернулся и сказал:

– Идёте вдвоём, что вас там ждёт я не знаю, так что рассчитывайте только на себя, – ворота открылись, и они вышли на освещённую солнцем полу-круглую арену. Кругом было полно народу, казалось, что весь город собрался посмотреть на их бой. Но толпа встретила их неприветливо и пренебрежительно. Посыпались ругательства, в них полетели гнилые овощи и камни. Не обращая на это внимания, как им велел Залух, они медленно шли в центр арены. Неожиданно из открывшихся напротив дверей на них кинулись четверо вооружённых мужчин. Они были одеты в различные доспехи, на головах странные круглые шлемы, в руках длинные копья с трезубцем на конце. Первым среагировал Коловрат, он вскинул меч и бросился навстречу противникам. С лёгкостью увернувшись от колющего броска одного из противников, он сделал выпад и снёс нападавшему голову, тут же отбивая удар второго воина. Герхольд последовал его примеру, и кувырком проскочив мимо одного из нападавших, воткнул свой клинок в грудь бегущего следом мужчины. Толпа взревела оглушительным криком. Герхольд рывком извлёк меч из тела умирающего и хрипящего противника и, развернувшись на колене, поднял меч с готовностью отбить удар. За спиной слышался звон металла, это Коловрат наступал на второго своего врага. Взмахами могучих рук он бил мечём, и воину оставалось только обороняться, отбивая его мощные удары. Тем временем первый противник Герхольда уже бросился в атаку. Пытаясь поразить стоявшего на колене воина, он с разбегу сделал выпад, но Герхольд был к этому уже готов и трезубец проскочил над головой, отражённый правильно поставленным блоком. Меч Герхольда описал дугу и распорол нападавшему живот. Кровь хлынула на лицо кузнеца. Противник оступился и свалился на землю, выпустив из рук трезубец и схватившись за живот из которого наружу уже вываливались его внутренности. Германец обернулся как раз в тот момент, когда Коловрат, добив своего противника мощным ударом, свалил его на землю и вонзил в его грудь свой большой меч. Рёв толпы заглушил стоны умирающих.

рающего, и довольный собой Русс вытащил меч из тела погибшего врага. Закончив битву, они направились к воротам. Там их поджидал довольный Залух. Он впустил их внутрь и, похлопав по плечам, с радостным лицом сказал;

– Отличный бой. Идите отдыхать и смойте с себя кровь врагов.

К последнему дню игр их осталось двое. Всех желающих похвастаться своей удалью они отправили в иной мир в первые несколько дней. Больше храбрецов не нашлось, и по городу поползли слухи, что Гай Квитий заполучил к себе в бойцы самих демонов Ада. Настала очередь знатных вельмож выставлять на бой своих воинов. Ставки были немаленькие и радостному, но, увы, не столь богатому Гаю, пришлось даже занять монет у одного своего старинного друга из Рима, которого он в тайне пригласил на бои. Выигрыш оправдался с лихвой, и долг благополучно был возвращён. Всю вторую неделю Наместник опустошал кошельки своих соседей, и последний день игр было решено сделать праздничным. На арене было не слышно звона мечей и криков умирающих. Там проходили всевозможные празднества и веселье. Народу раздавали хлеб и вино. Танцевали красивые девы и играла музыка, а на городской площади развернулась шумная торговля. Люди притихли и, кажется, окончательно забыли про возмущения. Одним словом жизнь налаживалась, чему был несказанно рад сам Наместник.

Залух к этому времени снова уехал за новыми рабами и товаром, и гладиаторы, получив свою скромную награду в виде женщин и вина, отдыхали. В народе их прозвали «руками смерти» и по-настоящему боялись. А довольный столь удачным приобретением Наместник подсчитывал свои доходы.

Спустя три года слухи о жестоких увеселениях Наместника и невероятных достижениях парочки удачных воинов достигли Великого Рима. И на очередные игры совершенно неожиданно прибыл один весьма важный сенатор. От появления столь высокой персоны у Наместника чуть не остановилось сердце. Квитий испытал великий страх, увидев знатного посланника империи. Кто знает, что за наказание уготовано тому, кто по своей воле проводит подобного рода развлечения. Но, как ни странно, сенатор не стал корить Наместника, а изъявил великое желание самому посмотреть на двух великих бойцов. Да к тому же привёз на бой своих лучших воинов. И сделал баснословную по меркам Тиндари ставку – тысячу серебряных динарий. К этому знаменательному дню на арене увеличили количество посадочных мест, соорудили пристройку и поставили деревянные скамьи.

В ночь перед играми, в камеры к воинам спустился сам великий Наместник.

– Вы могучие воины, – начал он. – Ваша слава докатилась до самого Рима. Все говорят о вас, и я искренне этому рад. Вы многое прошли вместе и возвысили мой дом. Если на завтрашних играх всё пройдёт удачно и вы победите, я получу место в сенате и отправлюсь в Рим. А вам дарую свободу, – он закончил свою речь и вышел прочь.

Бойцы остались одни. Мгновение они находились в полной тишине.

– Ты слышал, брат! – первым нарушил молчание Герхольд. – Нам даруют свободу! – Коловрат выглянул из своей клетки. Он в отличие от своего друга не испытывал восторга от слов Наместника.

– Не стоит рано радоваться пустым обещаниям, – хмуро сказал он. – Гай не тот человек, который так просто отдаст то, что сделало его таким знаменитым и богатым.

– Что ты имеешь в виду? – с непониманием спросил Герхольд.

Коловрат посмотрел на друга грустными глазами.

– Я имею в виду, что Наместник никогда не отпустит дракона, что приносит ему золото.

– Но... Но как же? Он ведь обещал нам свободу! Он сам только что об этом сказал, – волнениям Герхольда не было предела. – Он знатный человек и не станет обманывать.

Коловрат вновь усмехнулся его словам.

– Вот, поэтому, он и обманет нас, потому что знатен. Мы лишь рабы, а он Наместник и может делать с нами всё что пожелает. Я бы не стал столь трепетно доверять его словам. В любом случае нам нужно выжить завтра, чтобы узнать правду.

– Но как же так? – продолжал возмущаться Герхольд. – Мы делаем всё, что он просит. Выживаем на арене, убиваем. Он богатеет. Разве этого недостаточно?

– Пойми брат! Убивать просто, а вот жить после этого не очень уж и легко. Я часто вспоминаю тех, кого убил. Они приходят ко мне в моей памяти, и я знаю, что настанет момент, когда нам предстоит встретиться в ином мире. Тебе тоже предстоит это. И ты должен быть готов. Готов умереть в любой момент без страха и сомнений, потому что только это для нас важно. А Гаю важны лишь деньги, которые он зарабатывает на наших боях и именно поэтому он нас никуда не отпустит. – Коловрат замолчал и уселся на лавку.

– Хорошо. Завтра посмотрим, кто из нас прав, – дослушав друга, сказал Герхольд и тоже уселся.

Утром их повезли на арену. Уже подъезжая, они увидели огромные толпы народа и услышали громкие крики приветствия.

– Действительно, что-то грандиозное затеял Гай, – сказал в полголоса Коловрат.

– Да что он может затеять, – усмехнулся Герхольд. – Снова небось нагнал с десятков головорезов на арену. Нам не в первой.

Коловрат искоса посмотрел на друга и сказал;

– Великие Боги, пусть бы оно так и было.

Перед воротами арены Русс неожиданно резко остановил Герхольда и, глядя тому прямо в глаза, вымолвил:

– Знаешь брат, я горжусь, что встретил на своём жизненном пути такого хорошего и верного друга. Ты стал могучим воином, и поверь, если бы ты попал в мои края, тобой бы там гордились и почитали, как моего близкого родича, – Герхольд смотрел на друга со странным выражением непонимания на лице.

– Ты чего это решил мне душу излить, брат? Я что-то такого ранее за тобой не замечал? – Коловрат слегка улыбнулся ему.

– Не обращай внимания. Пойдём, перережем пару глоток, – он хлопнул Герхольда по плечу и они вступили в открывшиеся ворота.

Когда воины оказались в центре арены прозвучал звук гонга. И голос представляющего игры огласил;

– Приветствуем вас, уважаемые жители Тиндари. Наш многоуважаемый Наместник Гай Квитий представляет вашему вниманию своих лучших бойцов, которым нет равных в играх смерти. Их великие победы на этой арене принесли честь и славу нашему городу и всей провинции. Сегодня на этой арене они сразятся с величайшими воинами нашего почтенного гостя, прибывшего к нам из самого Великого Рима, – он указал рукой на восседавшего на самом почётном месте человека. – Представляю вам сенатора Аппия Маргуса и его благородного сына Кеззона.

Сенатор встал и помахал рукой. Его сыну было не более пяти, но мальчик тоже, как бы подражая отцу, подскочил с места и поднял вверх обе руки. Когда буря приветственных криков стихла, сенатор уселся обратно в кресло, а его сынишка, окружённый няньками, стал бегать вокруг, играясь маленьким деревянным мечём подражая великим бойцам.

Представлявший игры мужчина продолжил:

– Встречайте величайших воинов Рима, отборных бойцов «Легиона крови»!!! – Последнюю фразу он практически выкрикнул, и в этот момент из ворот напротив появились восемь хорошо вооружённых и одетых в тяжёлую броню солдат.

– Вот тебе и головорезы, – прошипел на ухо Коловрату Герхольд. Тот с усмешкой посмотрел на друга.

– Ты что испугался? Подумаешь, мужики в доспехах, – они дружно рассмеялись.

Голос представляющего вновь разнёсся по арене:

– Сегодня вы увидите жестокую битву, между «Легионом крови» и прославленными «руками Смерти». Предсказать исход этой схватки дано, пожалуй, лишь Богам, так пусть же начнётся игра!!!

Толпа взревела неистовыми криками, и воины приняли боевые стойки.

Герхольд и Коловрат поудобнее перехватили мечи и стали расходиться в разные стороны. Римские воины, наоборот, сначала сгруппировались в единый строй, а потом разделились на две равные части по четыре человека, и двинулись на бойцов Гая сплочёнными группами.

Ощетинившись короткими дротиками и прикрывшись большими щитами с изображениями огромных крыльев золотого орла, они целенаправленно старались оттеснить бойцов к разным стенам арены, чтобы не дать им впоследствии объединиться.

Реакция Коловрата была молниеносной, он с невероятной быстротой бросился вперёд и на огромной скорости врезался в сплотившуюся группу солдат, нанеся сокрушительный удар ногой в щит одного из них. Строй врагов распался, и лишь один из них смог устоять на ногах, остальные повалились на песок. Быстро орудуя мечём он рассёк горло одного из упавших и, развернувшись, бросился на оставшегося стоять на ногах солдата. Тот сделал выпад копьём, но промахнулся и тут же получил мощный удар рукоятью меча прямо в центр своего шлема. Отлетев в сторону, солдат уже не смог подняться. Из-под его шлема хлынула кровь. Коловрат развернулся и тут же взревел от боли. Одно из копий врагов оставило ему глубокую рану в левом боку. Оставшиеся в живых двое бойцов уже встали на ноги и приготовились к новой атаке.

У Герхольда дела обстояли куда хуже, чем у его друга. Он не обладал такой большой физической силой как Коловрат и пробить строй Римских легионеров не смог бы, но зато был весьма вынослив и быстр. Когда солдаты стали прижимать его к стене, он резко кувырком метнулся в сторону, и пока те разворачивались, смог зайти к закрывшейся щитами группе с фланга. Бросившись на врагов, он сильно оттолкнулся от земли и сделал двойное сальто, перескочив прямо над головами солдат. Времени на быстрый разворот в тыл у тех не оставалось и они, побросав щиты, выхватили мечи и бросились на прыткого воина. Герхольду приходилось отбиваться сразу от четырёх легионеров.

Заметив, что его другу совсем несладко, Коловрат стиснув зубы и позабыв про боль в боку, быстро развернулся и кинулся на теснивших Герхольда солдат. Он вломился в их строй как раскалённый нож в холодное масло. Одним махом своего огромного меча он выбил оружие у двоих солдат, и развернувшись воткнул клинок в находившегося за его спиной легионера. Сила удара была столь велика, что лезвие проткнуло солдата насквозь, пробив его тяжёлую броню. Отскочившие в стороны и опешившие от такой ярости воины сенатора попятились. Но в этот момент к ним на помощь подоспели брошенные Коловратом двое других солдат. Собравшись в кучу, они снова ринулись на бойцов Гая.

– Пятеро против двоих, – выкрикнул Герхольд и, извернувшись отбил первый выпад.

– Их нужно разделить, – крикнул ему Коловрат и взмахом меча заставил всех пятерых отскочить в сторону. – Прыгай, – он быстро скрестил ладони на уровне живота и развернулся к легионерам спиной. Герхольд понял его мысль в долю мгновения. Сделав два широких шага, он оттолкнулся от ступеньки, которую соорудил из своих рук Коловрат, и тот с силой вытолкнул его вверх. Прыжок был прекрасен. В одно мгновение Герхольд, сделав великолепное сальто, оказался за спинами солдат. Он быстро кувыркнулся через голову и встал на ноги. Развернувшись, Герхольд увидел как один из легионеров полоснул Коловрата по спине своим мечём. Здоровяк издал дикий крик и свалился на песок. Не думая ни секунды, Герхольд бросился на римлян. Они уже развернулись и были готовы к обороне, но его скорость, помноженная на звериную злобу, не оставили им шансов. Ударив плечом одного из солдат, Герхольд схватил

второго за горло и со всей силы вонзил свой меч ему промеж лопаток. Резко увернувшись от рубящего удара и подставив тело убитого под вражеский меч, он извернулся и наклонившись полоснул другого солдата по ноге, как раз под коленной чашечкой. Тот сразу же потерял равновесие и с криками повалился на песок арены. Сделав кувырок, Герхольд оказался рядом с лежащим на песке Коловратом.

– Брат, вставай! – выкрикнул он. Здоровяк повернул голову в его сторону и грубо рявкнул:

– Да встаю уже, что орёшь прямо на ухо! – Герхольд улыбнулся. В этот момент резкая боль обожгла его плечо. Он мигом схватился за место разрываемое болью и с удивлением обнаружил, что из плеча торчит странный маленький нож. Со злобным криком он вырвал его из тела и крепче схватился за меч.

Трое уцелевших солдат медленно обходили парочку по кругу, пытаясь зайти им в тыл. Раненый солдат корчился в стороне и был уже не боеспособен. Коловрат наконец поднялся на ноги. Он был весь в крови и скалился от боли.

– Ну вот, мы уже близки к финалу, – прорычал он. Герхольд посмотрел на друга и увидел в его глазах невероятную решимость к быстрому завершению столь несправедливого боя. – Теперь пришло наше время их зажимать, – сказал Русс, и крутанув мечём, стал быстро приближаться к солдатам. Герхольд последовал за ним. Несколько мгновений великие воины Рима ещё пытались сопротивляться ярости озверевших от боли и злобы бойцов Наместника Квития, и даже успели ещё один раз ранить Герхольда, но их участь была уже предрешена. Когда последний солдат «Легиона крови» испустил дух, гонг провозгласил победу Великих «рук Смерти».

Толпа взорвалась оглушительными воплями, радостные люди кричали имена победителей и кляли поверженный Рим.

Сенатор Аппий Маргус с недовольным лицом посмотрел на Наместника Квития.

– Я не отказываюсь от сделки. Вы получите свои деньги. Но после того как мы поговорим, – он встал и направился к выходу со смотрового ложа. Наместник мигом последовал за ним. Герхольд и Коловрат тем временем покидали арену под радостные крики толпы.

Спустившись вниз, сенатор остановился, он велел своим телохранителям очистить от людей коридор, и немного помолчав, начал свою речь:

– Ваши воины великолепны Гай, я признаю это. Но поймите меня, я не смогу вернуться в Рим с вестью о поражении от каких-то рабов. Это подорвёт мой авторитет и пошатнёт могущество самого Рима. Вы же знаете насколько нетерпимо относятся там к победе этого сброда. Поэтому, я настаиваю на мести. Я хочу, чтобы один из этих воинов сегодня умер. В знак признательности перед лицом могущества нашей Империи, – глаза Квития от услышанного взметнулись ко лбу, – пусть твои воины сразятся друг с другом. Я даже согласен удвоить вашу награду и поспособствовать вашему быстрейшему переезду в Рим. Я даже замолвлю слово о вас и вашем месте в сенате. А победитель получит свободу в знак милости от моего лица и лица Великого Рима. Это подчеркнёт наше снисхождение и послужит хорошим примером и подтверждением тому, что Великая Республика может не только карать, но и даровать милость своим подданным. Устройте это для меня и ваше будущее будет прекрасным, – он замолчал и, похлопав Гая по плечу, направился обратно в ложе.

Серая хмурая дума накрыла Наместника. Он ещё какое-то время стоял, обдумывая слова сенатора, затем начал ходить из одного конца коридора в другой, вытирая выступивший на лице пот. Мысли словно пчёлы роились в его голове. «Нужно что-то предпринять, нужно что-то решать». Он остановился по середине коридора. «Выбор, выбор есть всегда. Что если всё это время я шёл к этому дню? Что если всё это уготовано мне Богами? А может это всего лишь их злая шутка? Как понять, в чём истинный смысл? Лишиться двух самых лучших бойцов, и тогда всё о чём я мечтал станет реальностью, или отказать самому сенатору и что тогда?»

Гай судорожно подёрнул плечами, он даже не мог себе представить что будет, откажи он столь важному гостю.

«Нет, я не хочу знать, что тогда будет, – он обхватил лицо руками. – Я не должен так переживать за жизнь каких-то рабов. Залух всегда сможет найти мне новых. А вот будут ли они столь искусными воинами? Вот это ещё вопрос». Глубоко вдохнув, он вновь стал мерять шагами коридор. «Что я теряю? Двух бойцов. Но сдержит ли своё слово сенатор? Если да, то эта потеря себя оправдывает. А если нет? Тогда всё предстоит начинать заново». В своих метаниях он не заметил, как к нему подошёл Залух.

– Что-то случилось, Господин Гай? – спросил он.

Наместник остановился и уставился на своего надсмотрщика бешеными глазами.

– Нет, ничего. Всё хорошо, – ответил он быстро.

– Боги благосклонны сегодня к вашему дому, – с улыбкой проговорил Залух.

– Да, благосклонны, – ответил ему Гай немного успокоившись.

– Великолепная битва была сегодня. Сенатор надеюсь, остался доволен? – набравшись уверенности спросил он у своего Господина. Наместник скривил лицо и сказал:

– Он потерял лучших своих людей. Конечно, он недоволен, – заметив недовольство, вызванное его вопросом, Залух поклонился и, медленно отступая назад, попытался оправдаться.

– В любом случае Боги сегодня к вам благоволят мой Господин.

Гай смотрел на него с задумчивым взглядом.

– Стой, – выкрикнул он отходящему в сторону надсмотрщику. Залух остановился. – Подготовь моих победителей, промой и залечи их раны, накорми и предоставь всё, что они попросят. На закрытии сегодняшнего дня игр у них будет ещё один бой.

Услышав эти слова, Залух был весьма удивлён. Обычно на играх воины бились один раз на дню. Но учитывая плохое настроение Наместника, задавать лишних вопросов не стал, а всего лишь поклонился и пошёл прочь.

Игры продлились весь день и многие погибли. Песок арены был обильно окрашен кровью, а народ совершенно обезумел, от такого невероятного зрелища.

Когда солнце уже стало клониться к закату, голос представляющего громко объявил:

– Вот и настал финал сегодняшних игр! Многие могучие воины погибли сегодня и многие выжили. Этот день навсегда войдёт в историю Тиндари, как самый кровавый. Люди очень долго ещё будут рассказывать о нём, как о дне величайшей игры. Но у каждого зрелища всегда есть финал. Сегодня наш великий наместник Гай Квитий и его досточтимый гость Аппий Маргус представляют вам самый неожиданный финал, которого вы даже не могли себе и представить. Встречайте! Наши непобедимые герои, воины чьё прозвище наводит ужас и повергает всех в страх. Знаменитые «руки Смерти». Свирепый кельт Герхольд и варвар из далёкой северной страны Русс Коловрат!!! – Заскучавшая было толпа оживилась и приветствовала выходящих на арену воинов громкими криками.

– Как думаешь, что нас ждёт на этот раз? – спросил у своего друга Герхольд. Коловрат, осматривая беснующуюся арену взглядом, покачал головой и ответил:

– Если честно, то даже и представить себе не могу.

Они остановились на середине круглой арены и, повернувшись к своему Господину, синхронно опустили на одно колено, склонив головы.

– Плохое у меня предчувствие, – тихо сказал Коловрат. – Сегодня здесь очень много бесов. Гораздо больше чем когда либо.

Герхольд уловил момент и решил разузнать у друга про этих самых бесов.

– Что за бесы? – спросил он Коловрата, едва тот замолчал.

– Тёмные духи. Они сводят людей с ума, направляют на плохие поступки, могут даже заставить убить. Они обладают силой внушения. Но главная их задача – таскать души умерших в пекло. Чем сильнее дух умершего, тем больше бесов нужно, чтобы справиться с этой задачей.

Герхольд смотрел на Коловрата, как будто на совершенно незнакомого человека. Он и подумать не мог, что друг верит во всю эту загробную чушь. Но глаза Коловрата не врали. Его взгляд был серьёзен как никогда.

– Я прошу тебя брат, – сказал он, взглянув прямо в глаза Герхольду. – Что бы не случилось сейчас, ты должен сделать это быстро и без страха, и никогда об этом не жалеть. Пообещай мне!

Глаза Герхольда округлились от услышанного.

– Я не понимаю. О чём ты говоришь? – задал он вопрос, но Коловрат тут же суровым голосом прервал его.

– Пообещай мне! – Герхольд совсем растерялся, он утвердительно и быстро покачал головой в знак согласия.

– Я обещаю, обещаю. Но ты мне хоть объясни! – не унимался он, но услышать ответ, ему было не суждено. Представляющий игры мужчина громким голосом произнёс:

– Подойдите к трибуне воины!

Герхольд и Коловрат приблизились к возвышающемуся над ареной ложу.

– Встаньте на колени, сейчас с вами будет говорить почтенный сенатор Аппий! – громко произнёс мужчина.

Воины опустили на землю.

Аппий Маргус медленно поднялся со своего места и жестами своих рук призвал толпу к спокойствию.

– Народ знатного города Тиндари. Вы по праву можете гордиться своими воинами ибо нет им равных на этой земле. Все мы сегодня смогли в этом убедиться. Они по праву могут носить предложенное им прозвище «руки Смерти». Но рано или поздно даже равные друг другу стремятся к соперничеству. Именно это мы сейчас и проверим, – он сделал церемониальную паузу и выпил из кубка вина, чтобы смягчить пересохшее горло. – Ваш благородный Наместник Гай Квитий, по моей просьбе, представляет вам величайший бой этих игр, – сенатор жестами рук призвал Герхольда и Коловрата подняться с колен. – Бой между величайшими воинами города Тиндари. Сегодня мы узнаем, какая из легендарных «рук Смерти» сильнее».

От такого неожиданного поворота событий арена разразилась дикими воплями. Кто-то приветствовал решение сенатора, кто-то наоборот протестовал. Воины, стоявшие на арене друг напротив друга одновременно взглянули на ложе, с которого на них совершенно невозмутимо созерцал их Господин, Гай Квитий. Коловрат повернул голову и посмотрел на друга.

– Видишь брат, Гай сдержал слово. Сегодня один из нас станет свободен от жизни, а второй от оков рабства. – Герхольд с покрасневшими от злости глазами взглянул на друга.

– Я не буду с тобой биться! – сказал он.

– Тогда нас обоих убьют. – Коловрат взглядом показал на спрятавшихся в верхних сводах арены лучников.

– Пусть так, я не боюсь смерти! – прохрипел со злостью в голосе Герхольд.

– Ты обещал, брат. Так что держи слово, – спокойно произнёс воин. – Посмотри на меня Герхольд. – Кельт с трудом смог сдерживать горечь обиды. Его глаза покраснели, он весь трясся от ярости и ненависти. – Запомни брат, смерть это не конец. Это ещё одна ступень жизни, и после того как она наступит уже не станет страха. Ты обретёшь новую суть и сможешь всё, что только захочешь. Но только после того, как осознаешь, что умер, – слова Коловрата звучали весьма странно. – Я верю, что твой путь ещё не завершён и тебе предстоит пройти ещё множество дорог и совершить массу дел. Именно поэтому, я уступаю тебе свою жизнь.

Тут Герхольд не выдержал и выкрикнул на всю арену.

– Ну почему? Почему именно ты? – Коловрат улыбнулся другу, и это вызвало ступор у совершенно озверевшего от злобы Герхольда.

– Потому что моя жизнь, это всего лишь маленькая жертва во благо спасения множества жизней, которые ты встретишь на своём пути, и которым действительно будет нужна твоя помощь. А за меня не переживай. Моё время пришло, я готов покинуть мир живых, и присоединиться к своим предкам. Я буду присматривать за тобой, и кто знает, быть может, мы ещё и встретимся!

Он вновь улыбнулся и поднял свой меч. Арена, до отказа заполненная людьми, замерла в безмолвном ожидании развязки этого столь величественного драматического события.

– А теперь, давай покажем этим придуркам, как могут умирать настоящие воины, – всё с той же улыбкой на лице сказал Коловрат и бросился в атаку.

Они бились как Боги. Целый час звон клинков раздавался на арене, крики людей заглушали их звон, и множество ран они нанесли друг другу! Откинув все мысли, и сражаясь размеренно и чётко, воины наносили один удар за другим, периодически уклоняясь и отбивая хитрые выпады. Это была поистине пляска смерти. Состязание равных, в котором казалось не должно быть победителя и проигравшего.

Гай Квитий смотрел на сражение своих лучших воинов и его взор был столь тяжёл, что казалось, он может продавить своей тяжестью небеса, и они обрушатся на землю. Перед самым началом поединка он позвал к себе Залуха и рассказал ему обо всём. Гай даже не стал ругать своего слугу за несдержанные возмущения в свой адрес. Лишь только просил обойтись с телом поверженного, как подобает. Залух поклонился Господину и направился прочь.

Сейчас, глядя на схватку, он понимал, что эта мука предназначена специально для него. Для его взора, они сражаются столь яростно и долго, чтобы не дать совести Наместника угаснуть в одночасье. Истязать его своей битвой, и под конец нанести самый жестокий удар. Чтобы осталось в памяти у него то, что он сотворил. А по ночам во снах они будут приходить к нему снова и снова, и эта битва будет напоминать ему о его поступке.

Гай пытался не смотреть на арену, пытался отвлечься хоть чем-то, но это у него не получалось. Его взгляд всё время притягивали двое мужчин сражающимся на песке арены. Но истинное наказание для Наместника Гая Квития было ещё впереди.

В одно лишь мгновение битва завершилась. Так неожиданно для всех, что никто толком так ничего и не понял. Лишь один из воинов упал на песок, а второй опустился перед ним на колени, и закричал.

Герхольд так вошёл в раж сражения, что совершенно про всё позабыл и не сразу понял что произошло. Коловрат просто не увернулся от очередного выпада друга, и клинок Герхольда пронзил его грудь. Через мгновение он уже лежал на песке, истекая кровью, а Герхольд стоял перед ним на коленях и плакал.

Арену поглотила мёртвая тишина. Случившееся заставило всех наблюдателей словно замереть. Они смотрели на смерть одного и горе второго. Смотрели и не могли сказать ни слова. Воздух застыл в их лёгких, и слова будто бы исчезли, уступив место лишь неожиданной пустоте тишины.

– Вот она смерть настоящего мужчины, – прохрипел Коловрат. Он схватился рукой за плечо друга. – Теперь ты свободен, брат. Придёт время и ты всё поймёшь, а пока не трать даром свою жизнь.

Предсмертные судороги сотрясли его могучее тело, глаза закатились и побледневшее лицо обмякло. Голова склонилась на бок, и воин замер навсегда.

– Нееет!!! – Звериный крик, полный горя и боли, разнёсся над ареной.

Аппий Маргус улыбнулся. Его месть свершилась, и он был доволен.

– Ваш воин достоин великой награды, – сказал он, первым нарушив тишину и обратившись к Гаю Квитию. – Я бы хотел наградить его. – Сенатор осмотрелся по сторонам и его взгляд

остановился на маленьком деревянном мече сына, лежащем на кушетке. Он поднял игрушку и сказал. – Отныне это будет символ свободы великого воина. – Он развернулся и направился к выходу на арену.

Когда сенатор вышел на песок, Герхольд тяжело дыша стоял окружённый стражниками сенатора. Тело Коловрата уже уносили.

– Великий воин, – произнёс сенатор. – Я вручаю тебе этот символ в знак того, что отныне ты являешься свободным человеком и можешь жить обычной жизнью, – он протянул Герхольду деревянный меч. Воин принял подарок и крепко сжал его в руке. Сенатор тем временем продолжил. – Если однажды ты решишь побывать в моих краях, предъяви этот меч моим слугам и тебя пропустят ко мне.

Он слегка наклонил голову и, развернувшись удалился. Стражники последовали за ним, а Герхольд остался один на арене. Толпа выкрикивала его имя и радостно приветствовала вновь свободного человека, но Герхольд никого не слышал, он медленно направился туда, куда несколько мгновений назад унесли тело его друга.

Всю ночь он простоял на коленях над телом Коловрата. Слезы непроизвольно текли по щекам, ноги онемели, но кельт не обращал на это внимания. Герхольд не помнил, когда в последний раз молился. Но сегодня ночью он молил всех Богов на свете принять душу его лучшего друга. Он не заметил, как уснул. Во сне он видел удаляющуюся в степи фигуру Коловрата. Герхольд бежал за ним следом, кричал и звал друга, хотел остановить его и вымолить прощения, но тот не останавливался. А догнать его Герхольд не мог. Когда силы его совершенно оставили, он упал на колени и взглянул вперёд. Коловрат взобрался на пригорок и обернулся. Герхольд пытался подняться, но не смог, а друг лишь улыбнулся ему такой знакомой и родной улыбкой, и помахал на прощание рукой. Герхольд вновь постарался встать и, напрягая все свои мышцы, с огромным трудом поднялся на ноги. Но когда он вновь взглянул на пригорок, там уже никого не было. Он ещё долго ходил вокруг холма, кричал и звал Коловрата, но ему никто не ответил.

Проснулся он от толчка в спину. Вскочив, Герхольд понял, что заснул прямо на полу, он обернулся и увидел Залуха. Тот сидел на скамье, и смотрел на него с грустным лицом.

– Вставай. Нужно подготовить похороны.

Они вместе обмыли тело воина и завернули его в шёлковые одежды. Затем с помощью других рабов возложили тело Коловрата на большие носилки и восемь крепких мужчин понесли их за стены города, где Залух распорядился устроить погребальный костёр. Когда процессия вышла за городские ворота, следом шло много людей. Это были простые жители, которые вышли проститься с великим воином, чья жизнь оборвалась столь рано и неожиданно.

Достигнув места погребения, мужчины положили покойного на огромный деревянный помост. Залух подошёл к Герхольду и вложил в его руку горящий факел.

– Это должен сделать ты. Как самый близкий ему человек, – сказал Залух. – Не бойся, его душа сможет найти путь в пристанище предков, – он кивнул Герхольду и отошёл в сторону.

– Прости меня брат! – тихим голосом сказал Герхольд. – Я буду молить за тебя Богов. И если они действительно те, кем их считают, они помогут твоей душе.

С этими словами он бросил факел посередине помоста, большая деревянная конструкция мигом вспыхнула и занялась яростным огненным пламенем.

На рассвете Герхольд собрал пепел друга в глиняную урну и медленно поплёлся в сторону поместья своего Господина.

Он никуда не ушёл, не воспользовался правом своей свободы. Не начал новую жизнь, а наоборот, ещё сильнее привязался к прежней. Он стал служить Гаю как наёмник, как тренер будущих воинов, как убийца. Смысл жизни потерялся для него. Он озлобился, стал грубым и свирепым. И лишь порой, когда он заходил в свою комнату, его взгляд цеплялся за глиняную урну, покрытую толстым слоем пыли. В памяти всплывали воспоминания тех давних лет и,

отворачиваясь, Герхольд уходил спать. Днём он гонял новобранцев, а по ночам порой творил для своего Господина весьма ужасные вещи. Сенатор Аппий конечно же не помог Гаю продвинуться в Рим, и Наместнику, приходилось держаться на своём месте, убирая завистников, соперников, врагов, и порой даже друзей. И во всём этом ему помогал Герхольд, ставший для Квития тенью. По заказу Гая, Залух привёз Герхольду из дальней поездки на север странное оружие. Это была металлическая перчатка, такая как у тевтонских рыцарей, но со странным механизмом на внешней её стороне. Внутри этой системы прятался длинный острый клинок, и когда рука в перчатке сжималась в кулак, механизм срабатывал, и клинок выскакивал из своего укрытия. С помощью этого оружия Герхольд стал прорубать путь к власти для своего Господина. Так прошли долгие семь лет.

Очередное задание было простым. Молодой ухажёр, красавчик воин охмурил подростковую дочку Гая. И Наместнику это совершенно не нравилось.

– Она считает, что я ничего не знаю о их тайной любви! – злился Гай, ходя из угла в угол. – Я растил её все эти долгие годы, охранял и любил, а она мне вот так отплатила. – Герхольд молча сидел в тёмном углу и слушал. – Я знаю, что они хотят бежать через три дня! – Наместник остановился и вытер пот со лба. – Это не должно произойти! Ты понял! – Он указал пальцем на Герхольда и повторил. – Ты понял? – Герхольд поднялся и медленно вышел на свет.

– Я понял, – сказал он тихо. – Но почему его просто не убить?

Гай искоса взглянул на кельта.

– Вот ты вроде служишь у меня уже много лет, а так и не понял всего. Убить проще простого. Нужно чтобы дошёл смысл. Моя дочь должна понять, что её своенравность и самоуверенность не принесут ей ничего хорошего.

Герхольд молча кивнул, соглашаясь с словами Наместника.

– Всё устрою завтра, на играх, – он развернулся и направился в свою комнату.

Спал он плохо, ему снились кошмары, и впервые за долгие годы он увидел во сне Коловрата. Тот стоял по колено в крови и что-то говорил ему, но слов Герхольд разобрать не смог, и подойти к другу тоже не сумел. От этого сна он подскочил как ошпаренный. Потряс головой и уселся на кровати, вытирая лицо руками.

– Плохой сон? – Услышал он нежный женский голос. От неожиданности Герхольд в одно мгновение соскочил с кровати и, выхватив свой меч, уставился на освещённый странным светом угол своей комнаты.

В углу прямо на полу сидела незнакомая ему женщина. Она была привлекательна. Длинные светлые волосы ниспадали практически до поясицы, стройное точёное тело, великолепная грудь и бездонные светлые глаза. Таких Герхольду раньше не приходилось видеть. Он смотрел в них как заворожённый, не в силах оторвать взгляда. Женщина была одета очень легко и была боса. На ней было совершенно белое длинное платье и, присмотревшись, Герхольд понял, что свечение окружающее женщину исходит именно от платья, настолько белоснежным оно было. Заметив повышенный интерес к себе, женщина улыбнулась своей невероятно обворожительной и очень доброй улыбкой.

– В следующий раз, когда будешь ложиться спать, выпей настой мяты. Он расслабит твоё тело и разум, а сон будет спокойным и ровным, – плавным голосом проговорила женщина. Герхольд оторвал взгляд от незнакомки и быстро спросил.

– Кто вы такая? Как попали сюда? Вас Гай прислал?

Женщина нисколько не смутилась.

– Нет, меня никто не прислал, – ответила она. – Я сама пришла к тебе Герхольд, сын Гертольда. Я хочу поговорить с тобой.

– Откуда ты знаешь как зовут моего отца и меня? – не выпуская меч из руки, проговорил Герхольд.

Женщина смотрела прямо на него.

– Я многое знаю кузнец, – тихо сказала она. – Я знаю, что ты убил уже многих, и многие из них были невинны. Я знаю, что ждёт тебя за это. И пришла предупредить тебя.

Герхольд хотел ей что-то возразить, но не смог и с места сдвинуться. А женщина в белых одеждах продолжала.

– Внемли моим словам. Остановись, пока не стало поздно. Ты же хороший человек, вспомни об этом, – она очень пристально взглянула мужчине в глаза. – Твой друг Коловрат рассказал мне, что когда он встретил тебя, ты был совсем другим. А сейчас ему больно смотреть на тебя, и он часто винит себя за то, что его смерть превратила тебя в чудовище. Подумай об этом!

Герхольд открыл глаза. Солнце уже встало и озарило мир своим ярким светом. Мужчина уселся на кровати и потряс головой. Некоторое время он сидел задумчивый и в голове прокручивал увиденное. Было ли это на самом деле или всего лишь приснилось ему? Этого Герхольд не знал. Но слова женщины как будто впитались в его голову и звучали, звучали, звучали. Как та песня, что поют пастухи, или мелодия менестрелей, что прицепится и долго не выходит из головы. Он промучился с этим всё утро, но когда настало время выезжать на игры, он забыл про странную женщину окончательно.

– Тарон, – обратился Герхольд к молодому воину, что помогал грузить в телегу оружие. – Поедешь с нами сегодня. Будешь на замене, на всякий случай.

Парень с явным недовольством воспринял поручение наставника, но возразить не посмел, и когда закончил свою работу, забрался в телегу к воинам.

Когда бойцы прибыли в арену, оказалось, что один из них за время дороги умудрился отравиться. Никто не узнал того, что Герхольд сам добавил в его еду сок из корня чемерицы. Взамен отравленного воина на арену вышел Тарон, где и погиб от руки наставника.

– Отличное зрелище Герхольд, – услышал боец, войдя в ворота арены. – Жаль только короткое. – Встретивший его мужчина рассмеялся.

– Да плевать, Залух, – грубо ответил ему Герхольд. – Моё дело убивать, а уж быстро это будет или медленно, зависит не от меня. Но результат всегда один и тот же. – Закончив свой ответ, он громко рассмеялся и, снимая шлем, направился в купальню.

Вечером Наместник выставил воинам пару бочонков отличного вина, и даже сам выпил бокал за отличное начало игр. Герхольд тоже пировал вместе со всеми, и когда уже понял что напился, отправился спать.

Ночью его разбудил оглушительный женский крик. Он попытался открыть глаза, но вечерний хмель ещё не покинул его, и сделать это было весьма непросто. Шатаясь, он попытался подняться на ноги, и в мутном мареве лампы сумел рассмотреть лежащую на полу женщину. Она была вся в крови и кричала. В комнату уже вбежали стражники, и ошарашенные увиденным стояли разинув рты, не зная, что и делать. Герхольд шатаясь, пытался что-то сказать, но губы его не слушались, а ноги подкашивались. И вновь пытаясь встать, он рухнул на пол как подкошенный. В комнату вбежал Гай, от увиденного его глаза налились кровью. На полу вся в крови, лежала его любимая и единственная дочь Квинтавия. Одежды на ней были порваны в клочья, а на теле были видны синяки и кровоподтёки. Лицо всё в крови и гематомах. Она дрожала как листок на дереве надрываемый порывом сильного ветра и не переставала кричать. Гай переводил свой полный ужаса взгляд с окровавленного тела дочери на шатающегося, и пытающегося что-то говорить Герхольда и не знал что делать. Затем он заметил глубокие царапины на лице и руках мужчины, и голос логики возобладал над ним. Он выставил вперёд руку, указывая на Герхольда, и без малейшего содрогания в голосе произнёс:

– Схватить его! – Стражники тут же скрутили воина и поволокли в подвал.

Когда он протрезвел, ему всё рассказали. Герхольда обвинили в изнасиловании дочери Наместника, и хотя он ничего не помнил до того как проснулся от крика, ему никто не верил. Он пытался всё отрицать и оправдываться, взывал к голосу разума Гая и его жены. Но, как

говорят, один лишь плохой поступок способен затмить собой всё величие совершенного тобой блага. Так и случилось с Герхольдом. Ничто не шло в сравнение с жизнью любимой дочери, и Наместник приговорил Герхольда к самым жёстким пыткам. А перед самым началом казни к нему пришла посетительница. То была милая Квинтавия, поведавшая ему о своей мести.

– Ты будешь жить калекой, и всю жизнь помнить о том, что совершил, и благодарить меня за мою милость. Я оставлю тебе жизнь, но она будет для тебя бесполезной, – прошептала она напоследок.

Герхольда истязали три дня. Ему вырвали ногти, ослепили и распороли пяты, чтобы он не мог ходить. А напоследок, кастрировали в наказание за покушение на плоть великородной девы. И хотя Гай подозревал, что его дочь подставила Герхольда в отместку за убийство её любовника Тарона, он никому ничего об этом не сказал.

Стражники вывезли окровавленное тело Герхольда за город и выбросили на дорогу, осыпав его всем, что он сумел нажить за эти годы.

– Теперь ты окончательно свободен, – сказал ему один из стражников и со всей силы вонзил в плечо калеке маленький деревянный меч некогда дарованный ему сенатором Аппием. Рассмеявшись над этой шуткой, воины бросили измученное тело Герхольда и уехали.

Первое время он просто лежал на пыльной дороге. Вытащив из плеча маленький меч, он сжал его в руке и стонал от боли, тяжело дыша. В попытках встать он потерял последние силы. Руки болели, ноги не слушались, и всё что он смог, так это отползти на коленках к обочине и прислонившись к дереву ждать смерти. Мир начинал угасать, и Герхольду казалось, что он слышит крики, стоны и ужасные речи проклятий. Он вспомнил былые времена, когда они с Коловратом бились увенчанные славой. Пусть и несвободные, но живые. Вспомнил горечь утраты и боль, с которой переживал эту потерю. Как молился перед глиняной урной, моля Богов о спасении духа своего лучшего друга. Он надеялся, что Боги подадут ему знак, или, быть может, укажут во снах удел души Коловрата. Он верил, что его друг достиг своей цели и сейчас в степях своих предков. Но время шло, а Боги не желали с ним общаться. Ни во сне, ни на яву. Он забросил молитвы. Порой долгими неделями даже не вспоминал ни о чём. Лишь изредка встречал он взглядом маленькую глиняную урну и, задавив в себе сожаление, шёл дальше по жизни.

– Внемли моим словам. Остановись, пока не стало поздно. Ты же хороший человек, вспомни об этом, – вдруг неожиданно услышал он голос незнакомки в своей голове! Голос был такой спокойный и ровный, что казалось, она шепчет слова прямо на ухо. Герхольд вздрогнул и осмотрелся по сторонам своими пустыми глазницами.

– Прости меня!!! – Выкрикнул он, не зная, обращается к кому-либо или просто кричит в пустоту. – Прости!!! – Кровавые слёзы потекли из его пустых глазниц. Он плакал, разрываемый отчаянием и болью. Ужас окутал его полностью. Страх, которого ранее он никогда не испытывал, сковал конечности. Неизвестность накрыла мужчину, словно чёрная грозовая туча. В этом кошмаре он издал нечеловеческий крик больше походивший на предсмертный вопль поверженного зверя.

Его подобрали странствующие артисты. Выходили и поставили на ноги. Они таскали его с собой, показывая как жалкого уродца. Люди обращались с ним очень плохо, не ведая, кто перед ними. Поскольку люди не видят душ своих и не ценят их смысла, а видят лишь оболочку тела, преклоняясь перед их брэнностью, и не понимая, что они не вечны. Ценности тела, стоят гораздо дороже, нежели цена духа. Хотя порой второе несравненно дороже первого.

Три года страдал Герхольд в своей немощи, проклиная себя и лишь себя за надменность и самоуверенность. Мужчина сильно исхудал и был совершенно не похож на себя прежнего. От сильной и мускулистой фигуры не осталось и следа. Он ненавидел себя и очень ждал смерти, а она не спешила к нему в гости. И в один из дней он решил поторопить её приход.

Однажды на одном из горных перевалов через который перебирался цирк, чтобы попасть в соседнюю провинцию, прямо посреди ночи он вышел из палатки и пошёл по холодному снегу. Сжимая в руке свой деревянный меч, с которым теперь никогда не расставался. Ступни его окончательно так и не зажили, и он ходил колесом, ставя ноги на ребро стопы. Пройдя несколько метров, он оступился и упал в глубокую скалистую расщелину.

Глава 4. Найдёныш.

133 г. до Рождения Христа.

Пещерное обиталище отшельников.

Территория современной Турции.

Жара не спадала вот уже месяц. Солнце как будто намеренно пыталось выжечь последние остатки жизни из практически выглядевшей безжизненной долины. В такую жару разве что сумасшедший решился бы выйти из дома. Вся жизнь в долине затаилась, скрываясь от неминуемой смерти которую несло обжигающее солнце. Казалось, сама земля затихла как будто сберегая силы, поскольку даже ей было неизвестно, когда спадёт жара.

Но даже в такую погоду долина была прекрасна. Насколько хватало взгляда по всей округе возвышались причудливые белые холмы, покрытые редкой растительностью. Высокие остроконечные возвышенности, словно стражники в шлемах, охраняли покой этого чудного места. Природа постаралась тут на славу. Некогда выплеснутая вулканами порода под воздействием резких перепадов температур преобразилась и превратилась в самый настоящий лес высоких и остроконечных скал, вырастающих прямо из-под земли и напоминающих высокие каменные деревья. В некоторых из этих столбов виднелись отверстия и в них обитали голуби, которые тоже попрятались, скрываясь от безжалостного солнца, и лишь порой их маленькие головки выглядывали наружу. Климат в этих краях был весьма суров и капризен. Летом тут бывало очень жарко и сухо, а зимой слишком холодно. Но подобное положение дел несколько не смущало местных жителей.

Некогда тут жили хетты, потом персы. Все они пришли сюда как захватчики, и эта земля не была им родной. Но постепенно из всех этих древних народов начал складываться тот, который и проживал в этих краях вот уже без малого несколько сотен лет. Так как набеги врагов были довольно частыми, местные жители нашли прекрасный способ прятаться от захватчиков. Они построили подземные города. Настолько огромные, что в глубину они уходили на десятки этажей и вмещали в себя несколько десятков тысяч жителей. Входы в эти города были тщательно запряты, а каждый уровень или этаж был ограждён от другого индивидуальным проходом. И в случае опасности вторжения входы эти наглухо закрывались огромными каменными колёсами, открыть которые можно было только изнутри. Тут были системы вентиляции воздуха и глубокие бездонные колодцы, снабжающие город водой. Между этими городами, как бы далеко они не находились друг от друга, всегда имелся секретный проход, вырытый специально на случай полного краха убежища. Строились эти города веками, мягкая вулканическая порода легко поддавалась обработке, но при воздействии чистого кислорода тут же твердела. Поэтому древние строители придумали очень хитрую технологию обработки породы. Они закрывали определённый участок вакуумом из мягкой кожи с прослойками жира и приклеивали его к стенам с помощью клея из пчелиного воска и мёда. А при помощи длинных верблюжьих жил подавали работникам воздух, пока те трудились над извлечением мягкой породы.

Когда работа была сделана, отработанную породу выкладывали в специальные пазы в полу, в которых встраивались импровизированные трубы для стока. Когда кислород попадал в помещение, порода застывала и комната, становилась пригодной для жизни. Так проходили годы, десятилетия, столетия жизни подземных людей. Но рано или поздно, всему приходит конец. Так случилось и с великими городами древних.

Страшная неведомая болезнь пришла в их мир. Люди стали умирать сначала десятками, потом сотнями, и в конце концов, великие подземные города опустели, превратившись в склепы. Спускаться туда уже никто не решался, поскольку все боялись неведомой болезни,

и этот страх был сильнее страха смерти. Старики рассказывали о страшных муках, в которых умирали заражённые, и это ещё больше пугало людей. Маленькими горстками разбрелись по пустыне некогда подземные жители. А от их бывшего величия не осталось и следа. Сейчас они существовали лишь благодаря тем скромным остаткам умений, которыми наделили их великие предки. Свои жилища они так же строили под землёй, но уже не так глубоко как раньше и не с таким размахом. Занимались исключительно сельским хозяйством и торговлей. Выращивали фрукты и делали вино. Их скромные плантации были надёжно укрыты от посторонних глаз и находились в ущельях и низинах. Скрытые от палящего солнца высокими холмами они приносили хороший урожай и позволяли остаткам великого народа не сгинуть окончательно со свету.

В тот день по обыкновению Сафир направлялся в свой старый сад, чтобы проверить колодец и набрать к завтраку фруктов. Он делал это каждый день, поскольку был главным учётчиком воды и продовольствия в селении. Жуткая жара болезненной ношей упала на его плечи. Сафиру было уже за восемьдесят, и он с трудом переносил такую погоду.

Он прожил в этих краях всю свою жизнь, со своей женой Дзэй, которая, умерла уже больше десяти лет назад. Они занимались земледелием и разводили скот. Но в последние годы сил для работы старику уже не хватало, и Сафир продал стадо и оставил себе лишь яблоневый сад. За все свои годы он не мог припомнить, чтобы было так жарко.

Тяжело переставляя ноги, Сафир направился к скрытому в низине гор и холмов саду. Осторожно спустившись в низину, он очутился под сенью крепких невысоких деревьев, увешанных набирающими сок яблоками. Тут всё было так же, как и в тот день, когда отец впервые привёл его сюда. Но пройдя несколько метров, Сафир присмотрелся и понял, что что-то в его саду всё-таки изменилось.

Одно из деревьев было практически голым. На нём не то что не было плодов, но и практически не было листьев. Возмущённый увиденным, старик подошёл к бедному деревцу и обомлел. Прямо на опавшей листе у самого основания ствола лежал ребёнок. То, что это именно ребёнок старик понял сразу. Несчастный человек был мал ростом и очень сильно истощён. Одет он был в изодранные грязные одежды и, прижимая к груди несколько сорванных яблок, мирно спал. Некоторое время старик смотрел на спящего воришку. Сперва он хотел разбудить мальчишку и отругать за провинность. Но потом присмотрелся и понял, что ребёнок ему незнаком, и он явно не из местных, Сафир сжалился. Старик снял с себя накидку и, укрыв спящего воришку, отправился собирать яблоки.

Закончив свои труды, он отнёс урожай домой, и вернулся обратно в сад с тележкой. Не без труда, старик погрузил измождённого мальчишку в тележку и потащил её к своему дому.

Всю убывающую луну мальчика бил озноб и окутывал жар. Он бредил, кричал, звал родителей, твердил о какой-то безжалостной кровавой битве. Его пришлось привязать, чтобы он не навредил самому себе. Всё это время Сафир ухаживал за ним и лечил, как умел. А когда луна окончательно исчезла, мальчик очнулся.

Он был очень слаб, и на восстановление сил ушло ещё какое-то время. Когда же он, наконец, поправился и окреп, старик начал вести с ним беседы. Он узнал имя мальчика, откуда он родом и почему покинул родные края. О пропавших родных Даниила старик ничего не знал, и все те, кого он спрашивал об этом, тоже ничего не знали. Но места, которые описывал мальчик в своих рассказах, как свою родину, Сафиру были знакомы. Ранее ему случалось много путешествовать, и он вспомнил, что когда-то очень давно, бывал в тех краях. Слышал он и о царе Ариарате и о его царстве. Но рассказанная мальчиком история про странный свиток его очень заинтересовала. Сафир внимательно выслушал её, и с удивлением глядя на Даниила, подумал: «Быть может, этот мальчик неспроста встретился на моём пути? Он может быть предвестником чего-то очень важного. Раз уж сам царь вверил ему этот странный свиток, значит, есть в этом некий смысл».

Старик взял мальчика к себе и велел звать его дедом. Всем остальным жителям селения он рассказал выдуманную им же самим историю о страшном набеге кочевников на деревушку его дальней родственницы, и что Даниил является ему единственным уцелевшим в тот жуткий день внучатым племянником. Старик рассказал всем, что он будет воспитывать его и учить себе на замену.

Сафир владел грамотой и вёл учёт воды и пищи в селении, поскольку это была главная ценность, которой могут владеть жители пустынь. Эту должность доверяли лишь тем, кто знал истинную цену жизни и являлся, достаточно мудрым, для этого.

Так прошли долгие, десять лет. Даниил вырос красивым, крепким и очень смышлёным юношей и считался весьма завидным женихом в селении. Но хотя он и заглядывался порой на девушек, всё же, больше всего на свете он любил письма. Со временем он занял место своего деда и стал писарем. И хотя, по возрасту, он был весьма молод, к моменту, когда он приступил к своим обязанностям, в селении кроме него, грамотой не владел больше никто. Поскольку умение это было хоть и почётным, но из местных жителей отдаваться ему целиком, никто полностью не желал. Работы было много, и каждая семья держала хозяйство, которому и посвящала всю жизнь. Писарь же жил обособленно, и практически никакого хозяйства не имел. Он получал в награду продукты по мере своих трудов. А трудов у него было достаточно. Он заносил в пергаменты различные записи, начиная от учёта количества скота, и собранного урожая, до дат рождения и смерти.

Но кроме этого великого умения, проявился в мальчике ещё один весьма странный дар, из-за которого с ним не очень любили общаться жители селения. Он проявился практически сразу после того как он выздоровел, как только спал жар его тела, спала жуткая жара, которая одолевала этот край больше месяца. Проливные дожди оросили почву, которая дала благодатный урожай.

Несмотря на свой безобидный вид, с первого прикосновения к любому человеку мальчик знал, неведомо откуда и по чьему велению, точную дату смерти собеседника. Он мог во всех деталях рассказать, как именно это произойдёт. Поначалу, все его пророчества люди воспринимали, как попытку их напугать, и даже ругали его за столь странное поведение. Затем пытались перевести все его слова в шутку и поговаривали, что мальчик, таким образом, пытается защитить себя от странностей нового образа жизни. Но после того, как его предсказания начали сбываться, Даниила начали сторониться.

Сафир, первый, узнавший о дате своего исхода из этого мира всё оставшееся ему время посвятил защите мальчика. Он сразу понял открывшуюся в Данииле силу и первым осознал её последствия. Старик знал истинное могущество, которое дают человеку знания, и всячески старался оградить Даниила от злых и испуганных людей. Он знал, что люди будут бояться мальчика за те слова, которых они не понимали. Что правда, которую он изрекает, сделает его изгоем.

Несколько раз напуганные речами мальчика жители пытались его убить, и каждый раз у них на пути вставал Сафир. Каждый раз, увидев почтенного старца на своём пути и услышав его мудрые речи, они успокаивались и отступали.

Сафир знал, что придёт день и Даниил свершит то, ради чего Всемогущий Создатель привел его в этот мир.

Спустя восемь лет с того дня как Даниил появился в доме старика, на смертном одре Сафир взял с мальчика обещание, что тот никогда без существенной надобности не расскажет никому о своём необычном даре. Даниил пообещал старику, и обещание своё держал твёрдо, хоть и давалось ему это нелегко. Со временем дар развился, и теперь просто при обычном разговоре Даниил мог видеть всю жизнь человека целиком. Все его деяния, плохие и хорошие. С самого момента рождения и до его кончины. При общении с тем или иным человеком эти видения приходили к нему, и избавиться от них было невозможно. Тогда, дабы не сойти с ума,

Даниил начал записывать эти видения в отдельный свиток. Некоторые люди, дела которых он заносил в свои записи, были поистине уникальны. Они не знали об этом, и их дарования в большинстве случаев просто пропадали даром, так и не получив истинного развития. Часто в селение приходили караваны, и Даниил подолгу сидел рядом с погонщиками и слушал их рассказы. Через их души он мог видеть много нового и интересного. А когда возвращался домой, то тут же начинал записи. Так начался его путь.

Глава 5. То, что тебя убивает.

Проклятый мир за пределом времени.

Стоя у выломленной в скале огромной трещины он наблюдал уже ставшую привычной метаморфозу причудливых форм. Огромная, и практически необъятная взглядом каменная глыба плыла в пространстве. И если бы не отдалённость столь масштабного объекта, то он вряд ли смог бы понять, что перед ним всего лишь неимоверно большой кусок камня. Движение глыбы было медленным. Казалось что этот громадный, сплюсненной формы кусок, стоит на месте, а он сам движется противоположно ему. Но это была лишь иллюзия. Бросив взгляд наверх, он увидел, что такая же глыба плывёт и там, и в низу, и со всех сторон. Их было неимоверно много. Они как облака плыли по небу. Но это были отнюдь не облака, а то место где они двигались было отнюдь не небо. Хотя и напоминало отдаленно своим маревом, уже практически завершённый закат.

Сей мир, когда то захваченный его Господином, сейчас стал домом и ему самому. Признаться честно, когда он впервые попал сюда, то был до ужаса напуган. Это потом самому себе он говорил, что был лишь поражён грандиозностью размаха, но на самом деле, он испугался. Испугался так сильно, что даже не смог сравнить этот страх с любым другим некогда испытанным им. Огромный страшный мир, предстал тогда его взору. Мир полный ужаса и боли, страха, гнева, отчаяния, страданий и как тогда ему показалось полной бесконтрольности. Всё тут клокотало, гремело, кричало, и выло ужасом. Огромные каменные глыбы плывшие, словно листочки по тихой воде, на самом деле оказались вместилищем зла в прямом смысле этого слова. Они были до отказа набиты, всевозможными монстрами, и тварями каких мир даже не мог себе представить. В многочисленных комнатах, вырезанных и выдолбленных в огромных каменных глыбах, творился ужас. Все его прежние представления о преисподней, умерли на корню. Ад, таким как он его некогда представлял, показался ему яслями. Увидев его истинное лицо, он растворился целиком в его атмосфере, и открыл его истинную сущность. В одно мгновение Ад извратил всё то, что было в нём от той прежней жизни. Унизив всё то небольшое, что было в нём от человека до самого ничтожного состояния. Убил и изувечил все воспоминания, о малейших проявлениях чувств, и эмоций. Сожрал всего его целиком, и перемолов в своём неистовом желудке выплюнул, что бы проделать всё это снова, и так до бесконечности. А когда его время пришло, он уже не ведал того себя каким был прежде, переродившись и умерев, возродился сотню раз, хоть и был бессмертным. Боль стала сладка, а страдания звучали как музыка. Отчаяние и безысходность стали настолько близки, что оказались единственным миром, в котором он теперь существовал.

В тот миг, когда он предстал перед ним, он был уже другим.

Стоя на коленях, он поднял голову. Кругом горели огни, и каменная комната была безмолвна.

– Кто ты такой? – раздался злобный голос. Существо встрепенулось, попыталось подняться но, понимая что не сможет, уставилось в темноту.

– Я Гильгамеш, Господин, – ответил он.

Голос неведомо чей раздался вновь.

– Я знаю это имя. Гильгамеш. Ты знаешь, кто дал тебе его?

Стоявшее на коленях существо, со странным спокойствием подёрнуло плечами, и ответило.

– Я не знаю, Господин. Я родился с ним на устах.

Громогласный голос радостно расхохотался.

– Его тебе дал я. Ты слышишь меня? Я дал тебе имя. – голос моментально вспыхнул яростью. – Я, не испугался, увидев тебя в миг твоего рождения, и я не дал тебе умереть в тюрьме, от скуки и надрывных моралей твоего папаши. Это я спас тебя, и это в моём мире ты сейчас, стоишь передо мной на коленях, чтобы в порыве панического ужаса и, трепеща от страха угодить мне. Молитв не нужно, лишь благодарность своему спасителю. – Голос стих.

Гильгамеш с восторженным трепетом слушал эти слова. Он улыбнулся и склонив вниз голову покорно вымолвил.

– Я благодарю тебя Господин. Я преклоняюсь пред тобой, и не чаю радости большей, отплатить тебе за твою милость. Я отныне твой верный раб, и послушник. – Он опустил свои ладони на каменный пол и упёрся головой в свободное пространство между ними.

– Ты мне не раб – уже спокойно ответил ему голос. – Ты сын мне. И от момента рождения твоего, и до сия мига я ждал и верил, что мы встретимся. А радость твоя тут совершенно не причём. Поднимись. Гильгамеш медленно поднял голову, и упёрся взглядом в чёрные кожаные сапоги, стоявшего перед ним мужчины. Он поднял взгляд ещё выше, и увидел статного стройного, с крепким телом черноволосого человека, лет сорока. Его глаза горели огнём, а смуглое лицо украшала красивая улыбка. Он был одет во всё кожаное и чёрное, и выглядел как простой человек. Он протянул Гильгамешу руку и помог подняться с колен. Взглянув ему в глаза, он крепко прижал демона к себе, и обнял.

– Вот мы, наконец, и встретились, сын мой, – прошептал мужчина. Он отстранился от своего подопечного, и, держа его за плечи вытянутыми вперёд руками, вновь улыбнулся. – Добро пожаловать домой.

Он обнял сына за плечё и, развернув его в противоположную сторону, подвёл к огромному выдолбленной в стене трещине.

– Взгляни, – сказал он с улыбкой. – Теперь всё это твоё.

Мужчина указал Гильгамешу на распротёршийся их взору мир. Огромная трещина расширилась, и за её пределами раскинулся мрачный уродливый вид. Бесконечная испещрённая огнём пещера с обугленным до основания каменным потолком, покрытым чудовищными трещинами полом, из которых каждую секунду вылезали всевозможные твари. В то же мгновение они кидались друг на друга, и начинали беспощадную битву. Гильгамеш присмотрелся, и увидел причину столь неистовой ярости. На раскалённом каменном полу, что-то двигалось. В конвульсиях, и с неизменной гримасой ужаса на лице. Странные, испачканные грязью и копотью существа, пытались безуспешно спастись от своих злобных преследователей. Сначала Гильгамеш их не узнал, уж больно сильно они были изуродованы, но присмотревшись повнимательнее, он с ужасом понял кто они. Это были люди. Точнее их изодранные до неузнаваемости души. За право насладиться остатками этих не похожих уже давно на самих себя существ, и дрались монстры.

Гильгамеш с ужасов взглянул на своего нового отца. А тот смотрел и улыбался, наслаждаясь открывшимся зрелищем.

– Это люди? – переспросил он у своего нового Господина.

Тот, не снимая с довольного лица улыбки, повернулся к нему и с удивлением ответил.

– Конечно! Это они. Где как не здесь, открывается их истинная сущность. Их основное предназначение. Их стезя. – заметив некое смущение на лице Гильгамеша, он пристально взглянул ему в глаза и настойчиво спросил: – Разве ты не рад этому сын мой? Разве не к этому ты стремился, не этого желал? Здесь ты получишь всё. Всё, о чём только можешь мечтать. А главное, ты получишь неограниченную власть, над этими убогими созданиями.

Тут пришло время улыбаться Гильгамешу. Он в одну долю секунды осознал, всю силу слов своего хозяина, и последние остатки страха и неуверенности покинули его навсегда. Глаза вспыхнули пламенем азарта и верности, и он с трепетом в голосе изрёк:

– Да отец. Я принимаю твоё предложение без малейших колебаний. Дай мне эту силу, и ты не пожалеешь о том что породил меня на свет.

Его улыбка стала ещё шире, а черноволосый мужчина радостно улыбнулся ему в ответ.

– Хорошо! – прошипел он. – Хорошо. Ты и впрямь истинный сын моего злого порока, и достойный приспешник моего дела. Пойдём же со мной, я поведаю тебе о своих планах.

Невероятный грохот отвлек его от задумчивых размышлений. Завибрировал воздух, и страшный скребущий звук вперемешку с треском и скрипом поглотил горячий воздух. Налетевшая одна на другую огромная плита, с ужасным треском ползла по поверхности, сминая всё на своём пути. Тысячи монстров бросились врассыпную. Но, неспешно с виду плывущая каменная глыба на самом деле неслась с невероятной скоростью, и её неистовая масса просто растирала в пыль всё, что попадало под её бездушное раскалённое тело. Ещё некоторое время они смотрели на творившийся хаос, а потом резко развернулись и, не обращая внимания на страшные звуки, направились прочь от этого места.

С момента «Обретения», как сам Гильгамеш называл великое для него событие, а точнее с того самого момента как его новый отец призвал его и чудесным образом извёл из мрачного и враждебного мира людей прошло уже очень много времени. Хотя в мире, в котором он сейчас находился, времени не было, но по меркам земной жизни ему было известно, что прошло не менее века. Сам же Гильгамеш, старался не задаваться таким вопросом, особенно после того, как отец обратил его и сделал бессмертным. Но остатки былых ощущений ещё порой давали о себе знать, всплывая в памяти неровными осколками. Все эти, как ему казалось годы, он посвятил себя совершенствованию, изучая магию и колдовство, а всевозможным практикам просто не было предела. Весь мир был в его распоряжении, и все слуги его Господина отныне были и его рабами. Он рыскал по самым мрачным закоулкам мира тьмы и находил такое, о чём и подумать даже не мог, и всегда поражался тому, насколько же изощрённым может быть зло. Его тёмное умение росло изо дня в день, и новый отец был весьма горд его успехами. А однажды, даже лично преподавал наглому всезнайке урок мастерства, вытащив его на поверхность огромной плиты, где шло яростное сражение. Странного вида уродливые демоны, которых Гильгамеш раньше не встречал, сражались с многочисленными слугами его Господина.

– Это Дарглы, древнейшие из демонов, – сказал ему отец, заметив с каким интересом его новый сын рассматривает ужасных тварей. – Они уже много веков пытаются вырваться на свободу и освободиться от моего правления, – отец поднял с раскалённого камня странный кривой меч. – Но пока моим легионам удаётся их сдерживать, и я отдаю им большую часть человеческих душ. Но им всё мало!

Он с размаху ударил неожиданно появившегося у него за спиной монстра.

Дарглы были и впрямь весьма странны. Их овальное тело крепко стояло на двух мощных ногах, у основания шеи было четыре плеча, расположенных крест-накрест, и из них росли четыре огромные крепкие руки. Голова с широкой пастью была усеяна острыми длинными зубами и была приплюснутой. Словно стекая на затылок, она заканчивалась крепким чешуйчатым хвостом напоминавшим косичку и вертелась во все стороны. Они не были умны или даже разумны. Их древние дикие животные инстинкты и, напрочь отсутствующие какие бы то ни было чувства, давно возобладали над их сущностью.

– Поэтому, у нас периодически возникают подобного рода столкновения на почве непонимания, – продолжал Господин, и с размаху уложил ещё одного демона. Гильгамеш, спокойно наблюдающий за происходящим, лишь усмехнулся.

– А почему бы их не перебить, раз они такие непокорные? – выкрикнул он и, перекувыркнувшись через голову, схватил оружие поверженного монстра. Его новый отец, с нескрываемым восторгом взглянул на своего подопечного.

– Я не могу этого сделать, сын, – ответил он, – без них мой мир уже не будет столь крепок как сейчас, поскольку их древняя магия – это основа нашего существования. Дарглы

древнее тебя, меня и всего что ты тут видишь. Когда я захватил этот мир, они единственные кто остались тут. Остальные либо предпочли умереть, либо покинули этот мир. Если же исчезнут и Дарглы, это место исчезнет вместе с ними. Поэтому, мы их лишь слегка проучим.

Он в очередной раз отразил выпад Даргла и ловким приёмом свернул ему шею.

– Ко всему прочему, убивать существ подобных Дарглам это только моя привилегия!!! – мужчина громко и истошно засмеялся и резким выпадом пронзил очередного демона. Затем, взглянул на Гильгамеша своим пылающим огненным взглядом и прокричал: – А подобную власть я никогда, никому не отдам, поскольку мощнее её в моём мире нет, не было и не будет никогда.

Он вновь громогласно рассмеялся, упиваясь главенством своего могущества, и в одно мгновение полностью преобразился. Его тело начало мгновенно расти, покрылось жёстким серым панцирем, а из спины выросли длинные острые хрящи. Огромные бугры мышц распирали конечности, на руках появились огромные когти, а голову покрыли множество маленьких рогов, больше напоминавших колючки дикобраза. Глаза горели адским пламенем, а из пасти торчали острые клыки.

Гильгамеш смотрел на своего нового отца и не мог отвести взгляд. В одно мгновение он взглянул вниз и заметил, что его кристаловидное тело тоже изменилось. Грани стали матово-чёрными, и совсем не подвергались воздействию раскалённой каменной породы. Всё тело как будто окрепло и стало бугристым и твёрдым. Двигаться в таком состоянии стало намного проще, и Гильгамеш почувствовал прилив силы и ярости.

В этот миг из расщелины выскочили трое Дарглов и тут же бросились в атаку. Гильгамеш в последнее мгновение сумел увидеть их приближение и, оторвав взгляд от битвы, которую вёл его новый отец, оскалившись бросился в бой. Он молниеносно уклонился от выпада одного из демонов и кувыркком перекатился в сторону, поднырнув под тело второго. Сделав сильный выпад вперёд, он пронзил своим мечём чудовище, и оттолкнувшись от него ногой, совершил эффектный переворот через голову. Оказавшись прямо за спиной третьего демона, он взмахнул клинком и отрубил монстру одну из рук. Демон взревел от боли и, схватившись за отрубленную конечность, резко развернулся в сторону Гильгамеша. Оскалив свою плоскую, похожую на змеиную пасть, он ринулся на обидчика, совершенно позабыв об отрубленной руке. Гильгамеш резко вскинул лезвие своего клинка вверх, оттолкнулся ногами и, перепрыгнув несущегося на него монстра, приземлился прямо напротив другого, такого же. Лезвие ударилось о раскаленную каменную поверхность и, скуля от боли, монстр свалился разрубленный надвое. Улыбка всплыла на лице Гильгамеша от столь удачного выпада. Но радость его была недолгой. Разрубленные части плоти Даргла вдруг начали срастаться вновь, и уже спустя какое-то мгновение демон как ни в чём не бывало поднялся на ноги. Гильгамеш, посмотрел на монстра удивлённым взглядом и начал пятиться назад. В какой-то момент он оглянулся и поразился, тварь, которой он только что отрубил руку, мчалась на него, как ни в чём не бывало, а отрубленная рука уже полностью приросла к его телу. Гильгамеша охватила паника. Он со всех ног бросился в сторону сражающегося отца.

– Почему я не могу убить их? – выкрикнул он на бегу. – Я ведь твой сын, разве я не могу этого?

Его новый отец отбросил тело очередного поверженного демона, и улыбнувшись, прокричал:

– То что ты мой сын, это ещё не значит, что ты это я, – он в одно мгновение оказался рядом с Гильгамешем, и схватив его на бегу, сильно швырнул на раскалённую землю. Выхватив из руки поверженного отпрыска клинок, он с яростным воплем бросился на догоняющих Гильгамеша Дарглов. Демон расправился с ними весьма искусно и очень жестоко. Затем резко развернулся и бросился к поднимающемуся с земли Гильгамешу. Тот и опомниться не успел, как его новоназванный отец стоял напротив него.

– Не обольщайся! – выкрикнул он Гильгамешу, положив оба клинка на его плечи, так что лезвия оказались направлены в основание шеи. – Кем бы ты ни был, ты никогда не станешь таким как я, и никогда не обретёшь равного мне могущества, – его глаза вспыхнули адским пламенем, и из всех расщелин этого проклятого мира вырвался дикий и яростный огонь. Страх, казалось давно забытый, молнией пронёсся по всему телу Гильгамеша. – В этом мире, я Господин, и никому не будет позволено превзойти меня, – злая улыбка мигом всплыла на морде жуткого демона. – Можешь поверить! Здесь только я имею право убивать. Это главное правило, которое ты должен запомнить.

Битва продолжалась ещё очень долго, и как бы Гильгамеш не старался, какими бы быстрыми и смертоносными не были его удары, он не смог убить ни одного демона. Каждый раз они восставали и продолжали свой свирепый натиск.

Отбиваясь от очередной оравы монстров, Гильгамеш взобрался на каменистую возвышенность и, сразив нескольких нападавших на него тварей, успел окинуть взглядом поле битвы. Огромная каменная плита, размером примерно в десяток тысяч шагов была сплошь покрыта неистовой массой бьющихся друг с другом демонов. С одичалыми глазами и душевраздирающим криком они бросались друг на друга, терзая плоть и перемалывая кости. Сражения, суровее по своей беспощадности и ожесточённое по своей ярости, Гильгамеш никогда не видел. Убить друг друга демоны не могли, но, несмотря на это, их ярость не стихала, и восстав после очередного поражения ещё более обозлёнными, они вновь бросались в битву. Единственной брешью в море сражающихся тварей было место, где бился его новый отец. Он как лесоруб продвигался в чаще леса, а следом за ним простиралась просека из поверженных им тварей, и так же как и поваленные деревья они больше не поднимались.

Насытившись, кровью поверженных демонов, Господин со всей силы вонзил клинки в раскалённую каменную плиту, и в одно мгновение оказавшись рядом с Гильгамешем, перенёсся обратно внутрь каменного острова.

– Эта битва всего лишь забава для меня. – Вымолвил он, когда они оказались внутри. Гильгамеш взглянул на своего нового отца и заметил, что тот как и раньше разгуливает в своей кожаной одежде. – В последнее время, меня преследуют сплошные разочарования.

Он указал рукой на дальнюю стену в глубине зала. Гильгамеш взглянул в ту сторону и увидел жуткую картину. Прямо в стену, был наполовину замурован человек. По стене ползали какие-то маленькие противные существа, чем-то отдалённо напоминающие скорпионов, только вместо клешней у них имелись маленькие головки с острыми зубками и вытянуты они были гораздо длиннее. Существа то забирались в изъеденное человеческое тело, то вылезали из него. Но то, что это приносило человеку нестерпимую боль, было понятно с одного взгляда.

– Кто это? – глядя на корчившегося от боли человека, спросил Гильгамеш.

– Душа этого безумца страдает потому, что он обещал мне кое-что достать. Но не справился с заданием, и в наказание я отдал его на съедение своим питомцам.

Гильгамеш оторвал взгляд от замурованного пленника и вновь спросил:

– Что именно он обещал достать вам, мой Господин?

Мужчина в кожаной одежде как будто ждал этого вопроса. Он уселся в кресло и, поправив свои длинные волосы, как бы нехотя ответил:

– Сущий пустяк. Всего лишь некий пергамент, – тут же он резко встал и быстрым шагом направился к Гильгамешу. – Но очень важный для меня пергамент, и очень долгожданный.

Его глаза вновь вспыхнули ярким пламенем, а мужчина, вмурованный в стену, истошно закричал.

– Я очень не люблю, когда меня обманывают, но если уж такое происходит, то душа этого глупца будет навсегда обречена на страдания. Мужчина отвёл взгляд от корчащегося в стене тела и пристально взглянул на своего нового сына.

Гильгамеш уже знал, что должен ответить, и не стал заставлять Господина понапрасну ждать.

– Мой Господин, – промолвил он дрожащим голосом. – Я имел бы великую честь выполнить для вас это задание. Поведайте мне, что именно за пергамент вы так ждали? И я клянусь вашим именем, что достану его для вас!

Наступила тягостная тишина. Она была такой тяжёлой и томительной, что показалась Гильгамешу вечностью. Его новый Господин сделал вид, как будто он очень тщательно обдумывает высказанное предложение своего нового сына и демонстративно нахмурил брови. Он стал расхаживать по огромному залу взад и вперёд, что-то бормоча себе под нос. На самом деле, он прекрасно знал, что именно так всё и произойдёт. Он сам подвёл разговор под эту тему, и в фанатичных намерениях со стороны своего нового подопечного выслужиться, нисколько не сомневался. Именно поэтому, много лет назад он облачился в тело полководца Банистура, и с несказанным наслаждением провёл ночь с его красавицей женой. А впоследствии дал возможность своему отпрыску явиться на свет, оставив его мать в живых, поскольку в обычных условиях бедняжка вряд ли смогла бы выносить и родить такое существо как Гильгамеш. Именно сейчас, когда подготовка его отпрыска была практически завершена, он нисколько не сомневался, что молодой демон, с радостью исполнит его волю, столь искусно навязанную ему, его же отцом. В конце концов, именно для выполнения этой миссии он его и создал, и наградил столь великими дарами.

Гильгамеш смотрел на своего нового Господина с сыновней любовью, и его нутро затрепетало от нетерпения и возможности услужить отцу, выполнив его поручение.

Время, и без того отсутствующее в этом мире, как показалось Гильгамешу, растянулось на века, прежде чем его новый отец, дал свой ответ:

– Хорошо сын, – многозначительно сказал он. – Я доверяю тебе выполнить эту работу. В конце концов, именно для неё я тебя и готовил.

Он улыбнулся, глядя прямо в глаза своего нового сына. Демон подошёл к нему почти вплотную, положил свою руку на лоб отпрыска.

В этот момент Гильгамешу открылась вся истина искомого артефакта. Яркие и практически реальные образы и видения наполнили его мозг, и стеклянный демон увидел всё то, что представляет из себя искомый его Господином предмет. А когда всё закончилось, он знал всё, что должен был знать для выполнения столь важного поручения. Его глаза загорелись огнём стремления, и рвения. Он был готов прямо сейчас сорваться с места и мчаться исполнять такой долгожданный приказ. Но прежде чем это случилось, их разговор был бесцеремонно прерван вломившимся в покои хозяина странным желеобразным существом на длинных паучьих лапах. Вид у него был очень и очень встревоженный. Так что когда Гильгамеш и его новый отец увиделись на незваного гостя, он прямо с порога начал свой сбивчивый и не вполне понятный доклад.

– Мой великий Господин!!! – Запинаясь в словах, весь покрытый нервной дрожью и прижимаясь к каменному полу, начал незваный гость. Ситуация была настолько неожиданной и странной, что Великий Повелитель этого страшного места не успел даже разозлиться на такое бесцеремонное поведение странного существа. Он смотрел на него своим суровым взглядом и ждал продолжения. Существо, тем временем заикаясь то ли от страха, то ли от распирающего его желания поведать хозяину что-то очень важное, вибрируя от страха всем телом, очень медленно подходило всё ближе и ближе.

– Я покорнейше извиняюсь за столь безответственное поведение, и молю вас не карать меня, ибо я принёс вам страшную весть.

Тут существо остановилось и его трясущееся тело стало опускаться на сгибающихся от страха конечностях. Повелитель, смотрел на вестника и его брови поползли вверх от удивления. Оскал его рта в полной мере отражал явное недовольство случившимся. Некоторое время

Великий Повелитель смотрел на унижительные ужимки существа спокойно. В одно мгновение демон не выдержал напряжения, которому способствовали слова странной твари, и прокричал:

– Что? Что случилось?

Существо ещё сильнее прижалось к полу и выглядело так, как будто вот-вот на него должна была обрушиться огромная гора. Продолжая дрожать, едва слышным голосом существо промолвило:

– Мой Господин, только что пришло известие, – существо, казалось, старается очень тщательно подбирать слова, – что ваши воины были найдены убитыми на краю мрачных пределов.

Закончив свой доклад, существо окончательно вжалось в пол и практически расплылось по его поверхности, продолжая неистово дрожать и постукивать своими паучьими ножками.

Глаза Повелителя округлились от услышанного. Он хотел что-то сказать, но только и смог, что открыть рот. Его, так и не высказанный вопрос, повис в немом молчании.

Услышанное повергло Гильгамеша в не меньший шок. Он тоже открыл от удивления рот, но, как и его новый отец, не смог вымолвить ни звука.

– Как убиты? Кем? – Вырвалось наконец из уст Великого Повелителя. Дрожащее существо в ту же секунду дало ему свой ответ:

– Не могу знать Повелитель.

Крик, вырвавшийся столь неожиданно и столь мощно, в одно мгновение оглушил Гильгамеша. Он не смог устоять на ногах, и схватившись обеими руками за уши, рухнул на колени. Яростное пламя окутало комнату, в одно мгновение все её стены раскалились добела. Странное существо верещало и корчилось на раскалённом полу. Гильгамеш с трудом открыл глаза. Он увидел, как его тело начинает плавиться и растекаться в разные стороны. Казалось, этому кошмару не будет конца. Но вскоре огонь стих, а крик прекратился. Тело Гильгамеша вновь стало принимать привычный облик. Он поднял взгляд и уставился на своего нового Господина. Повелитель был неистов в ярости. Злоба переполнила его до краёв, и он вновь обрёл ту форму, что была у него в момент их общего сражения на поверхности громадного камня. Только на этот раз он был весь покрыт ярким пламенем.

– Ты принёс мне очень плохую новость Кила, – прорычал на странное существо повелитель. – Но я не стану тебя карать. Убирайся!

Существо, скрипя по полу своими тоненькими ножками и скуля, уползло прочь. Повелитель обернулся к Гильгамешу, и сказал:

– В моём мире никто кроме меня не смеет убивать, поскольку нет никого искуснее меня в этом великом деле. Пойдём сын мой, узнаем, что это за наглец, что посмел преступить порог моего могущества.

Он оскалил свои клыки, и бугры мышц на его теле вздулись от невероятного напряжения и злобы. Спустя мгновение они уже были в мрачных пределах.

Мрачные пределы были миром перевёртышем. В сущности это был тот же самый мир огромных, медленно передвигающихся в пространстве каменных глыб. Только обитатели тут были совсем иными и жили они вверх ногами. В большинстве своём это были всевозможные летающие и ползающие твари, их существование на донной стороне каменных глыб было им более удобно и более комфортно. Встречались и прямоходящие демоны, но не так много, как наверху. Любой попавший сюда не чувствовал разницы с нахождением на поверхности, поскольку в этом мире не действовали ни одни из знакомых человечеству правил.

Картина, открывшаяся взору Великого Повелителя и его нового сына, поражала своей банальностью. Она не выглядела бы столь печально, не случись увиденное в отсутствие наблюдателей. На каменной поверхности, покрытой чёрной кровью, всюду валялись мёртвые тела. Их было настолько много, что сразу не было возможности их посчитать. Убитых были сотни, а может и тысячи. Валяющиеся во всевозможных позах, они медленно тлели и вокруг стояла жуткая вонь.

Великий Повелитель медленно обходил погибших и молча разглядывал их раны. Гильгамеш стоял на небольшом пригорке и внимательно наблюдал за этой картиной. В его голове роились сотни мыслей. От непонимания – до восторга и страха, а также ожидания чего-то необычного. Но главная мысль, застрявшая занозой и терзающая его воспалённое сознание, была простой. Его Повелитель не единственный, как бы он не утверждал, способный убивать демонов. А если не он один это может, а может и кто-то ещё, то значит и он, Гильгамеш, когда-нибудь сможет это. Оставалось только дождаться окончания этой истории и мига созерцания этого неведомого создания, которое сотворило всё это с воинами его нового Господина. Тогда Гильгамеш сможет узнать его секрет, и, возможно, сможет обрести то великое знание, которым так дорожит его новый отец, и которое даёт ему единоличную власть на убийство душ.

Обойдя поле битвы, и внимательно осмотрев погибших, Великий Повелитель издал дикий вопль, звуки которого, казалось, поглотили весь этот проклятый мир. Каменная поверхность вновь озарилась мощным ярким пламенем, моментально сжигающим все мёртвые тела. Взбешенный Повелитель был вне себя от злости, он с дикими глазами озирался по сторонам в поисках загадочного убийцы, но не найдя такового вновь взрывался яростными криками.

И вот уже казалось вся поверхность огромной каменной глыбы, раскалилась до самого основания, когда откуда-то сверху к Повелителю спустился странного вида летающий монстр. Его четыре кривых когтистых лапы со скрежетом уцепились за раскалённые камни, а изодранные перепончатые крылья сложились за спиной. Несмотря на то, что все вроде бы стояли на раскалённом камне, монстр зацепился когтями крыльев и повис вверх лапами. Клыкастая морда склонилась к земле, и монстр издал странный гортанный звук, больше напоминающий треск.

– Мой Господин, позвольте мне сказать, – прохрипел монстр. Он был довольно большой, размером с хорошую лошадь, и голос у него был противно громкий, и казалось, совсем не выражал страха. Великий Повелитель резко развернулся и быстро направился к повисшему вверх демону.

– Говори. – Резким тоном вымолвил он. Демон поднял морду и, отцепившись, воспарил перед своим Повелителем и начал рассказ.

– Я видел душу. Она была слепа. Но по непонятным мне причинам её обладатель мог всё видеть. В его руке был странный меч, и им он убил всех твоих слуг. Я наблюдал издали, боясь приблизиться. Когда же числу поверженных им был потерян счёт, я улетел, опасаясь за себя. Все кто смогли тоже удрали, поскольку не было подобного этому тут никогда.

Великий повелитель схватил монстра за голову и со всей силы прижал к земле.

– Душа не может убивать! – прорычал он. – Душа не может владеть тут оружием. Все попадающие сюда души прокляты, они лишь пища! Прижатый к земле демон застонал от боли и, что было сил, прохрипел.

– Я не ведаю, как это у него получилось Господин. Я лишь рассказал вам то, что видел.

Но на Великого Повелителя эти слова не произвели никакого впечатления, и он продолжал прижимать демона к земле. Понимая, что гибель близка, демон издал новый крик:

– Мой Господин, пощадите меня. Я могу указать вам, куда ушла эта душа, и вы сами убедитесь в правдивости моих слов.

Как только демон сказал это, Великий Повелитель отпустил его и тот, трясая головой и странно скуля, как будто упал вверх, взмахивая крыльями и пытаясь удержать равновесие в полёте.

– Если ты не врёшь и сумеешь отыскать эту так называемую непокорную душу, я сохраню твою поганую плоть, – изрёк Великий. – Но если ты обманул меня! Я тебе не завидую.

Злобе Великого Повелителя не было предела, он был готов разорвать любого, кто сейчас встанет у него на пути. Наблюдавший за всем этим Гильгамеш в очередной раз сумел уяснить для себя странную особенность настроения своего нового Господина. Новый отец очень

не хотел лишиться своей единоличной и неоспоримой власти. За маской его злобы и ярости скрывался простой страх. Страх потерять власть. Гильгамеш усмехнулся сам себе и решил, что лучшее, что он может в сложившейся ситуации, это наблюдать и терпеливо ждать, своей столь желанной, возможности.

* * *

Он очень долго падал. Казалось целую вечность. Сперва было страшно, потом любопытно, а потом он забылся. В один миг все стало чуждым и нереальным. Полнейшая чернота сменилась странным ярким маревом, и это зрелище его зачаровало. Он смотрел на него и не мог отвести взгляда. Он пытался вспомнить, когда видел что-то подобное в последний раз. Но, как ни старался, не смог. И хоть чарующее зрелище казалось ему до боли знакомым, напрягая все силы, он вдруг осознал, что не помнит.

Вдруг подкрался страх. Он появился внезапно и очень неожиданно. Станный и такой неприятный, липкий страх. Но страх чего именно, он никак не мог понять. Падение продолжалось, а страх не отступал, и ему снова пришлось напрягать своё сознание. Но это снова не помогло. А потом свет начал тускнеть и пришло отчаяние. Беспокойство за что-то, чего уже нет и не будет. Такое неприятное, что когда сталкиваешься с ним, то не находишь себе места и не знаешь куда себя деть. Сразу хочется куда-то идти, что-то делать, лишь бы избавиться от этого неприятного чувства. Но тут идти было некуда, и нечего было делать, лишь падение, которое, так и не заканчивалось. Все мысли были сосредоточены лишь на нём. А потом пришла тоска, вдруг захотелось увидеть кого-то давно забытого, но такого знакомого, что внезапная встреча с ним, каким бы долгим не было расставание, превратилась бы в приятный отдых и долгую беседу с морем воспоминаний о пережитом.

«Жизнь» – вдруг метнулась мысль. Как вспышка искры в темноте. Как звук в ночной тиши. Эта мысль была столь скоротечна и так быстра, что если бы он не зацепился за неё в эту же секунду, она бы ускользнула со скоростью его падения.

«Пережить» – мысль взорвалась как праздничный костёр в день солнцестояния. Она была яркой и уже не такой призрачной, как первая, что показалась светлячком. «Прожить жизнь» – вырвалось произвольное развитие странной мысли, играющей в сознании уже как пламя от сигнальных огней Александрийского маяка. Расширяясь самостоятельно и окутывая своим светом все самые сокровенные уголки души. «Живой. Я живой» – взрывается мысль и тут же порождает новую. «Живой?» – Вопрос сбивает его с толку. Падение ускоряется, свист в ушах забивает всё и становится сложно думать. Появляется боль и он начинает нервничать, осматривать себя. Вот руки, тело. Все на месте. «Раз я всё это вижу, значит и голова на месте». Он не успевает это осознать, как сквозь боль взрывается новая мысль. «Вижу!» – и снова новый взрыв. Взрыв такой силы, что сотрясает его как удар. Это закончилось падение и он оказался на земле. Времени нет, лишь боль и грохот в ушах. Всё звенит и всё тело как будто размазано под упавшим на него неподъёмным весом. Он не чувствует ни рук, ни ног, не чувствует самого себя, а только нестерпимую боль. Сколько времени прошло с момента удара он не знает. Но вот что-то вздрагивает в его сознании, и он открывает глаза. Над ним странное марево потухшего неба, а может это просто кровь, залившая лицо? Первая мысль. «Я вижу. Но как?» – память начинает складывать разбитые кусочки. Он лежит на земле и в какой-то момент всё становится на свои места.

Целая буря воспоминаний. Имена, лица, события. Всплывает всё разом, и ему кажется, что голова сейчас взорвётся. Он вспоминает всю свою жизнь, и очень отчётливо последние её моменты. «Меня ослепили. Я был, я падал». – Он вспоминает своё падение в скалистую расщелину. «О, Боги!» – Вопросы окружают его, как рой пчёл, слетевшихся на поле с цветами. «Но как? Как это возможно?» – Он старается подняться. Сперва это ему не удаётся, но спустя

некоторое время, собрав все силы, он поднимается на ноги. Оглядев себя, он видит всё то же мускулистое тело, что было у него когда-то. Одежда, в которой он бился на арене, и одну странность. За поясом воткнут его символ свободы, его Радий, что был подарен ему в честь великих побед. Он вытаскивает меч. Руны на клинке светятся белым светом. Он рассматривает клинок и понимает, что сейчас этот предмет стал ему ещё дороже, чем раньше. Ещё немного полюбовавшись на клинок, он убирает его обратно за пояс, и начинает оглядываться по сторонам. Вид весьма странный. Пустынная каменистая равнина какой-то странной скалы. Ни травы, ни воды. Ему кажется, что он тут совсем один. «Коловрат» – вспыхивает новое воспоминание. И тут накатывает горечь. Он садится на колени и буря горестных воспоминаний ударяет по нему с новой силой.

– Я помню о тебе всегда, брат мой, – говорит он сам себе и, собрав силы, встаёт и, осмотревшись по сторонам, начинает свой бесцельный путь.

Сколько времени шёл Герхольд по пустынным каменным землям этого странного места он не знал. Солнца тут не было, и на небе, если его можно было таким назвать, кроме странных огромных чёрных глыб, рисовалось странное марево больше похожее на закат. Усталости он не чувствовал и поэтому шёл дальше. Вдали проносились быстрый искры, падающие словно звёзды с небес. Он догадывался, что сам попал сюда таким же образом.

Несколько раз он видел пролетающих над ним каких-то жутких тварей, и всякий раз от удивления старался разглядеть их получше. Но они очень быстро улетали. Его мучили вопросы. Где он? Как попал сюда и почему вдруг снова стал видеть? Но спросить было некого, пришлось отложить вопросы в сторону и идти дальше. По его предположениям прошло уже весьма много времени с того момента как он начал свой путь, когда вдруг камни затряслись и со стороны ближайшего холма выскочили какие-то странные существа. Они были ростом с человека, но выглядели весьма отвратительно. Были покрыты коричневой кожей, передвигались на двух кривых ногах, а морды у них были схожи с пастью разлагающейся собаки. Длинные руки практически касались земли и имели острые когти. Как только они увидели его, то без всяких раздумий с противным визгом кинулись в атаку. То, что это была именно атака, Герхольд понял сразу. Воспоминания прежних битв всплыли в его памяти, и осмотревшись по сторонам в поисках какого-нибудь оружия, он схватился за свой деревянный клинок, поскольку кроме камней вокруг ничего не оказалось. Странные твари всё прибывали и прибывали, и Герхольду стало казаться, что им не будет конца. Он крепче сжал свой Радий и, оскалившись, принял устойчивую позицию.

– Идите сюда, уроды. Я вам сейчас задам, – выкрикнул он.

Тут на него набросился первый из монстров, и только молниеносная реакция спасла Герхольда от потери головы. Он увернулся, но перед этим взмахнул своим мечём и краем глаза успел заметить, как странная кривая дуга белого цвета вспыхнула, и описав полукруг, распорол монстра на две части. Тот развалился и затих. Герхольд быстро вскочил на ноги и приготовился к отражению следующего удара. Но его не последовало. Толпа монстров остановилась и глазела на него своими круглыми маленькими глазами. Мужчина с любопытством взглянул на сжатый в руке меч и злобно улыбнулся.

– А клинок то, однако, не простой! – сказал он вполголоса. Подняв взгляд, он оскалился и призывно крикнул: – Ну что встали, олухи? Давайте повеселимся.

Живая коричневая масса оскалилась и с рёвом бросилась на наглеца. Битва была жестокой. Яркие вспышки от взмахов клинка рвали тварей на куски, но те совершенно не желали останавливаться. Герхольд махал клинком направо и налево, и каждый раз яркие дуги рубили тварей на части. Он так увлёкся этим делом, что даже не заметил как устал всё пространство трупами странных монстров. Однако и противные создания тоже порой доставали его, разрывая плоть воина своими длинными когтями. Но каждый раз его раны затягивались, и от них

спустя какое-то время не оставалось и следа. Этот факт весьма вдохновил Герхольда, и он с новой силой начинал махать своим странным клинком.

Неведомо как долго продолжалось это страшное сражение, но когда уже окончательно потеряв счёт времени и количеству поверженных монстров, Герхольд отскочил на весьма удобную для него возвышенность, демоны бросились врассыпную. Этот их поступок вызвал у Герхольда бурю разочарования. Он был весьма расстроен подобным поворотом событий и ещё долго кричал вслед убегающим демонам какие-то гадости. Но странные враги его не слушали и мчались прочь. Махнув на них рукой и осмотрев следы своего деяния, Герхольд плюнул себе под ноги и направился прочь от этого неприятного места.

Удалившись уже довольно далеко, он услышал громкий нечеловеческий крик и обернулся. Примерно в том месте, где проходила битва, вспыхнуло яркое пламя и озарило своим светом всё окружающее пространство. Странное неприятное чувство посетило сознание Герхольда, такое обычно бывало с ним перед игрой в кости, когда ты настроен на выигрыш, а внутренний голос говорит оставить игру. В силу сложившихся с ним обстоятельств, Герхольд не стал игнорировать это чувство и бросился бежать прочь.

Бежал он быстро и довольно долго. Но в один прекрасный, а может и не очень прекрасный момент, он неожиданно остановился. Бежать было больше некуда. Он стоял и смотрел на странный вид, открывшийся перед ним. Сначала он просто не поверил в то, что видит. Но чудом вернувшееся к нему зрение его не обманывало. Он стоял на краю обрыва, коим заканчивалась огромная плывущая в никуда глыба. Герхольд огляделся. Идти дальше было некуда. Он посмотрел вниз. В бесконечной пустоте тихо плыли огромные каменные скалы – сотни, тысячи насколько хватало взгляда.

– Что же это за место? – спросил он самого себя.

– Это Ад! – услышал он чей-то злобный голос у себя за спиной.

Медленно обернувшись, Герхольд увидел странную крылатую тварь, огромного монстра объятого пламенем и полностью стеклянное существо, издали напоминающее человека.

Объятый огнём монстр сделал несколько шагов ему навстречу и остановился.

– Это мой мир, и я здесь Властелин, – сказал демон. – А ты всего лишь душа умершего отпрыска, созданного моим отцом. Ты находишься тут, потому что так положено таким как ты.

Демон явно был очень зол, и его оскал говорил об этом нагляднее всего.

– Ты умер, убогое ты создание. Но по каким-то причинам не утратил связи с миром живых. А этот факт меня очень огорчает, поскольку такое в моём мире впервые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.